

ТАТЪЯНА
АНТОНИК

СТЕЙСИ
АМОР

Мирей С

СВАДЬБА ПО
ПРИКАЗУ

Стейси Амор

Свадьба по приказу

«Литнет»

2024

Амор С.

Свадьба по приказу / С. Амор — «Литнет», 2024

Засыпала я обычной Ольгой Юрьевной, а проснулась Ольгой Юрьевной Бестужевой, нелюбимой дочерью князя Юрия Бестужева и сестрой Федора Юрьевича. Ныне без шуток, велено княжеской дочери выйти замуж за Сергея Владимировича Долгорукого. Для мира, для согласия между непримиримыми семьями, ради земель и спорных территорий, для доброго соседства между усадьбами. Мнения невесты, как водится, никто не спросил. Жениха, естественно, тоже. Вот только я — не княжна, выросла в другом мире и не привыкла к повиновению. Муж мой меня игнорирует, а другие родственники испытывают терпение. Впрочем, плевать я хотела на новую семью и на их мнение. Я не робкая девица, умею постоять за себя. Как бы это объяснить своему новоявленному мужу?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Оля.	7
Глава 2. Оля	19
Глава 3. Сергей.	28
Глава 4. Оля	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Интересно, как долго я могу скрываться за тяжелыми портьерами в малой библиотеке? Ищет ли меня супруг или отмахнулся? Не придушит ли, когда найдет?

Поджав ноги, подобрав домашнее платье, я сидела на широком подоконнике и старалась не издавать ни малейшего звука.

Что-то мне подсказывало, что все домашние, вся прислуга с ног сбились, разыскивая строптивую княгиню.

За окном барабанил весенний, еще холодный дождь, а вдалеке сверкали молнии. Погода отлично показывало мое настроение, да и расположение Сергея Владимировича ко мне.

Рад он не был, а услышав о моем поведении от его матушки, моей свекрови, помрачнел больше, стоя под ледяными потоками воды.

Из своего укрытия я и подглядела приезд благоверного, как к нему подбежала Екатерина Степановна, что-то заговорщически прошептала, явно жаловалась. К счастью, ливень не давал поднять им головы, так что меня никто не заметил.

Но то, что я отсутствовала, не появилась, не вышла к мужу, вызывало множество вопросов. В общем, я терпеливо ожидала, когда князь Долгорукий ворвется в мою тихую обитель.

Перелистывала страницы взятой книги, что-то читала, но проклятые строчки прыгали перед глазами. Я не осознавала текст, да и было не до того.

Дверь медленно заскрипела, я сжалась от напряжения, когда по деревянному, красиво уложенному паркету начали раздаваться тяжелые, строгие шаги.

— Ольга! Ольга Юрьевна! — звал меня муж.

Явился, не запыхавшись. Не торопился он в моих поисках. Скорее всего, успел переодеться и умыться, а возможно, и сплетни от младшего брата и сестры выслушал. С новыми родственниками мне не шибко повезло.

— Ольга! Я знаю, что ты здесь! — Сергей теперь почти кричал.

Тон не предвещал ничего хорошего.

Я слышала, как срываются занавески, одна за одной, как он отходит от одного окна, крадется к другому...

Смирившись с неизбежным, выпрямилась. Собралась с мыслями, не пожелав показывать свой страх и растерянность. Я в другой мир попала и не погибла, магию получила, свекровь на место поставила, неужели суженого испугаюсь? В конце концов, что он мне сделает? Не убьет же.

Будем молиться, чтобы не убил.

Книгу я захлопнула вовремя. Князь Долгорукий как раз добрался до моего потайного места. Смахнув в сторону шторы, он не предполагал, что именно за ней отыщет женушку.

Пока он удивленно хмурил брови, я слезла с подоконника, положила томик истории на полку и вернулась, чтобы побеседовать.

— Рада видеть вас в добром здравии, муж, — любезно прошептала и поклонилась. — Как прошло путешествие? Достигли вы успеха на задании?

Я-то думала, что Сергей не сразу найдет, опешит из-за моего чудесного приема, но он странно изменился в лице. Хитро улыбнулся, потянулся ко мне, ловя мою ладонь, и медленно, осторожно поцеловал ее.

— Все прошло отлично, дорогая, — прищурился он и чувствительно сдвинул мне пальцы. — Но скажите на милость, по какой причине вы не захотели меня встретить? Занимались чем-то более важным, вышивали?

Шпилька не осталась в стороне. Видимо, карга-свекровь и об этом наябедничала. Ну, что я могу сказать в свое оправдание? Рукоделие никогда меня не интересовало, то ли дело волшебство, магические поединки...

— Мне показалось, что вы не сильно нуждаетесь в моем присутствии, — пояснила я свои действия и попыталась отстраниться.

Смотрела и искала в себе то, первое впечатление, когда супруг казался мне милым и приятным.

Но не тут-то было. Вырваться он не дал.

Сергей моментально поменял выражение, стал выглядеть мрачнее, злее, дернул на себя и грозно зашептал мне в ухо.

— Дорогая жена, — скрипел он зубами, — а надо ли напоминать, что усадьба моя, двор мой, и я здесь полновластный хозяин? Только я могу решать, кому оставаться, а кто покинет имение. Вам понятно? Или объяснить более доступно?

Ледяной голос свидетельствовал о том, что мужчина в ярости. Бедолага, любовницу его из дома прогнала. Я бы хотела остаться беспристрастной, но все скопившиеся эмоции валом прорвались наружу. Я пока держалась, но до истерики, до очередной ссоры между нами рукой подать.

— Понятно, Ваше Превосходительство, — глаза у меня потемнели. Я толкнула мужчину и вытащила свою ладонь. Вцепился он крепко, наверняка следы останутся, но мне было плевать. Сама пылала от негодования, с трудом сдерживаясь, чтобы не выдать обретенную магию. — Я же здесь временно, ненадолго? Зачем менять застарелые привычки ради меня? Правильно?

Подобной прыти он не ожидал. Полагался на мнение чиновников и друзей, твердивших, что ему повезло с доброй, послушной благоверной. У нас ведь не было времени, чтобы основательно познакомиться. Он сразу уехал, оставив меня на попечение своей семьи. И, кажется, не во всех их рассказни поверил.

— К чему это вы клоните, Ольга Юрьевна? — Сергей склонил голову на бок.

— К разводу, мой князь.

Ох, дорого бы я отдала, чтобы в этот миг пробраться в его мысли. Бравый военный выпрямился по струнке, у скул заиграли желваки. А чтобы меня основательно напугать, он и костяшками на пальцах заиграл, показушник.

— На каких же основаниях, дорогая супруга? — тон превратился в тихий, вкрадчивый. Мужчина теперь напоминал скорпиона, готового меня ужались.

Выдохнув, собрав в себе остатки смелости, я бодро выпалила:

— А из-за вашей супружеской неполноценности, дорогой, — подчеркнула я последнее слово и язвительно улыбнулась. — Какое горе, приданое придется вернуть.

Полагалась на его выдержку и благородную кровь. Зря.

Наверное, я сама себя переиграла, сама потянула спящего медведя за хвост. Во всем виновато мое восприятие и воспитание, которое для этого мира не подходило.

Сергей замолчал. Вокруг, вообще, наступила поразительная тишина. Ни одна половица не скрипела, ни один сквозняк не гулял. Слово каждый предмет в комнате прислушивался к нашему разговору.

Я не успела ничего сообразить, ответить, осознать, как муж подошел очень близко, подхватил, не услышав ни одного протеста, и перекинул меня через плечо, будто я была мешком с картошкой.

— Поставь меня на место, идиот! — крикнула и получила болезненный удар по мягкому месту.

— Будешь сквернословить, Ольга, — подкинул мое тело князь, устраивая его удобнее, — накажу сильнее. Неполноценный, говоришь... Придется доказать обратное.

Глава 1. Оля.

В уютной гостиной было подозрительно тихо. Скрипели поленья, подброшенные в камин, раздавались нетерпеливые вздохи. Женщины шелестели юбками, а мужчины переговаривались между собой. Все застыли, ожидая, когда мой брат, новый князь, вернется домой от императора. Мы уже слышали, как экипаж въехал на территорию усадьбы, как фыркали уставшие от долгой дороги лошади, как перекрикивались конюхи, ругаясь на чем свет стоит.

Вокруг меня сидело несколько человек, облаченных в серые и черные цвета. Дама, чей возраст приближался к пятидесяти годам, двое молодых людей во франтоватых нарядах, и бледная, светловолосая девушка.

Все пребывали в трауре. Глава семьи Бестужевых не так давно скончался. После похорон старший сын уехал во дворец, а несчастная вдова, младшие сыновья и невестка остались в имении.

И большинство этих людей испытывало ко мне неприязнь. По их мнению, младшая дочка, последний ребенок в семье, тихая, забитая мышка, над которой домашние издевались, приложила к этому руку. Я вызвала его гнев, ярость, он обвинил меня в распутстве. Его слабое здоровье было подорвано, случился сердечный приступ, и Юрия Вениаминовича не стало.

Грустно.

Знали бы они, что это не князь Бестужев не выдержал, не только его сердце дрогнуло, а Олюшка, та, в чьем теле я сейчас находилась, померла в этот же миг, когда батюшка объявил ей волю Его Императорского Величества.

Душа скромной и болезненной девушки покинула тело, и на ее месте оказалась я. Тоже Ольга, но куда более уверенная в себе, и намного старше.

Я не могла вспомнить, что произошло со мной там, за гранью, и каким образом я перенеслась, но увиденное повергло меня в шок. Я долго не осознавала, что вокруг меня новая реальность, отвечала невпопад, вела себя неподобающе и, пожалуй, нагло.

А когда Юрий Вениаминович позволил себе поднять на меня руку, я не выдержала, дала отпор, чего мужчина, конечно, не ожидал. Осел, закашлялся, потянулся от боли в спине и в сердце, а потом мгновенно умер. Мне показалось, что перед смертью он догадался, что его дочь — не его дочь.

Прошло несколько дней, прежде чем я освоилась. Все и до этого считали Олюшку сумасшедшей, полоумной. Мои ошибки, незнание простейшего, прощалось. Но я успела ко всем приглядеться, поменяла тактику и вела себя тише воды и ниже травы, чтобы не вызывать никаких подозрений.

Изумление у всех прошло, а на меня свалились обвинения.

Матушка буквально возненавидела дочь, братья избегали. Невестка, Татьяна, вышедшая замуж за Федора, сторонилась, но хотя бы не доставала.

Тяжело же настоящей Оле приходилось, а все из-за того, что девушка не родилась с магией. Все дети Бестужевых славились своей силой и могуществом. Даже про Юрия говорили, что нет огневика сильнее, а на Олюшке благодать богов закончилась.

Если Федор, Антон и Святослав отличались и здоровьем, и умом, и красотой, то Оле досталась плотная фигура, отсутствие характера и не одного зачатка волшебства.

Ее и замуж выгодно не выдать, о чем очень часто сетовала маменька.

К счастью, Федор был не так зависим от мнения отца. Не обладал его жестокостью и склонностью к садизму. Он по-своему защищал сестру, опекал. Не давал ее в обиду перед старшим родственником, но и не разговаривал с ней по душам.

Не принято здесь так.

Тоскливая жизнь у Оли была, мрачная.

В общем, сидели мы все месте, скорбно молчали и ожидали появления главы семейства. Новоявленный князь не заставил себя долго ждать. Не переодевшись, не умывшись, не отдохнув, Федор сразу прошел в гостиную.

Для начала обнял молодую жену. После потянулся к матери.

А я буквально вдавилась в свое кресло, боясь, что на меня лишний раз обратят внимание. Я старалась держать язык за зубами, но для этого приходилось прилагать массу усилий. А как известно, подобное выводит.

— С приездом, сынок, — вдовствующая княгиня встала и даже чуточку улыбнулась. — Надеюсь, все прошло хорошо? Передал от нас приветствие Его Величеству?

Тон у нее был ласковый, дружелюбный. За столько дней она ни разу не заговорила так со мной.

— Все благополучно, матушка, — кивнул Федор, о чем-то перемолвившись с братьями. Смотрел он при этом на меня, а я отчаянно делала вид, что занята вышиванием. Отчаянно и очень плохо. Я абсолютно не умела шить, вязать, вдевать нитку в иголку. — Передал, а Николай Романович в ответ передавал вам соболезнования. Я получил все грамоты, Его Императорское Величество принял присягу и напомнил мне об одном приказе, который наш батюшка проигнорировал, царствие ему небесное. Да и не мог он...

— Ты о чем, дорогой? — не сразу поняла Антонина Михайловна.

А потом как поняла...

И как поняли все остальные...

Это ведь и было причиной, отчего Олюшка и Юрий Вениаминович поссорились.

— Требуется, чтобы Оля вышла замуж, когда закончится траур, — заключил старший брат. — Дал не больше трех месяцев на подготовку. Через неделю сюда Долгорукие приедут...

— Как же так? Что за новая напасть? — ахнула женщина и вновь бросила на меня негодующий взгляд, будто я была во всем виновата. — Три месяца всего. И сюда приедут? Наши кровные враги?

— Они от брака и помолвки тоже восторга не испытывают, — хмыкнул Федор Юрьевич, продолжая меня изучать. — но императору не отказывают. Давно пора закончить эту глупую вражду.

— Великие предки, что же делается, — всплеснула руками хозяйка дома. — Хорошо, будь они не ладны. Я все подготовлю, а ты... — нашла она меня глазами, — идем за мной!

— Нет! — оборвал всех Федор. Он ласково потрепал жену, провел рукой по ее животу, потому что Таня перед его отъездом сообщила, что на сносях, а потом обратился ко мне. — Оля, пойдем в кабинет, нам надо поговорить.

— Ты же не отдохнул, — заворчала Антонина Михайловна. — Я сама все объясню.

— На том свете отдохну. В конце концов, я сестру буду замуж выдавать. Я хочу знать ее мнение.

Поразившись последним словам брата, я тихо поднялась, прижала к груди пяльца, а потом, минут братьев и маменьку, выскочила в коридор.

Федор молчал до самого своего кабинета, точнее, до кабинета предыдущего князя, но теперь брат занимал его по праву.

Мужчина галантно пододал мне стул, дождался, когда я устроюсь, а потом, дойдя до своего широкого кресла, снял тесный сюртук и развязал платок на шее.

Я следила за ним с некоторой опаской. Слишком мало его знала, еще меньше, чем других домашних. Едва прошли похороны, как молодой барин поехал в столицу. Сестру, в отличие от других родственников, он любил, но что произойдет, когда Федя поймет, что в теле Оли не Оля?

Чинно сложив руки, я ждала, когда Федор соберется с мыслями, но он совсем не торопился. То зачесывал назад чуть удлинившуюся с последней встречи челку, то теребил запонки на рукавах.

Я тоже помалкивала, обводила взглядом ненавистное мне помещение. Именно сюда-то я и переместилась.

До появления Федора я избегала этой комнаты, но даже в его присутствии она вызывала во мне некий трепет. В тот злополучный день я Олин отец налетел на меня, верещал что-то о нежеланном замужестве, о врагах, о том, что Олюшка-дура, обратила на себя внимание некого Сергей Владимировича, о котором я, естественно, понятия не имела.

Юрий Вениаминович поднял ладонь, дал мне болезненную затрещину, а когда порывался ударить во второй раз, я пихнула его назад, а сама отбежала. Что-то мне подсказывало, что глава семейства не в первый раз бил свою дочь, а та не в первый раз скрывала синяки на теле.

— Оля, Олюшка, не молчи, — отвлек меня брат. — Я же знаю, насколько ты не хотела замуж. Думала со мной остаться, с Татьяной, с маменькой.

Голос у него был спокойным и... жалостливым. В его глазах я была едва ли смышленнее пятилетнего ребенка.

Но, учитывая, что я была благоразумнее, старше и умнее той Ольги, я, напротив, полагала, что свадьба мне может даже помочь.

— А я могу отказаться? — задумчиво подняла брови.

— Не можешь, — печально вздохнул Федор и откинулся на спинку кресла.

Два крупных дворянских рода поругались, и по какой причине и сами не помнили. Кровной вражды не было, но мелкие стычки, дуэли, частые ссоры надоели монарху. И тот не придумал ничего лучше, как соединить две семьи в одну. Выдать замуж дочь Бестужевых за главу Долгоруких.

Идея неплохая, но я-то замуж не стремилась, я бы хотела попасть домой, в свой мир, разобраться, какими волшебными силами меня сюда занесло, и что случилось с Олюшкой.

С другой стороны, жизни в усадьбе мне не будет. Маменька и другие братья издеваются. Прислуга не слушается, смеется. А так, хоть из-под опеки выберусь, договорюсь потом с мужем о раздельном проживании и решу свои проблемы. Чем не план? Известно, жених не в восторге от навязанной супруги. У меня ни магии, ни фигуры, ни хорошего образования. Только благородный род и богатое приданое.

Чем больше я думала, тем изумленнее становилось выражение на лице у моего брата. Он, кажется, не привык, когда сестра о чем-то здраво рассуждает.

— Что с тобой? — заинтересовался он. — После бала ты была так испугана, заплакала, а сейчас и слезинки не проронила.

— Зачем же плакать, коли я ничего исправить не могу? — старалась выглядеть наивно и покладисто, поменьше вызывать у него подозрений.

— Тоже верно, — подтвердил мужчина. — Одно хорошо, что они соседи. Если тебя кто-то обидит, сразу дашь знать. Я не посмотрю, что Сергей генерал-майор, я мигом примчусь.

— Спасибо, — нервно ему улыбнулась.

Отчего-то в этот миг расплакаться захотелось. Видимо, соскучилась по искренней заботе и волнению. Никто со мной в усадьбе не носился, не сочувствовал. Слошные тычки и ругань.

Говорили мне недолго. Я видела, что он устал, что едва на ногах держится, поэтому особенно не расспрашивала. Успею еще.

Федор вроде потянулся ко мне, порывался обнять, но мгновение ушло, а я слишком стеснялась и переживала.

Покинув кабинет, я не присоединилась к скорбящим в гостиную, отболталась, что у меня разболелась голова, и я не приду к ужину.

Моя горничная высокомерно на меня посмотрела, когда я передавала сообщение с извинениями. И прислуга относилась к Олюшке с презрением, видя, как с девушкой обходятся родители.

Нет, лучше и правда на эту проклятую свадьбу согласиться, уехать, пока Антонина Михайловна меня замуж за какого-нибудь купца не выдала.

Оставшись одна, я первым делом побежала к зеркалу. Предыдущая хозяйка к телу относилась пренебрежительно, но я ее за это не винила. Девушка в горестные минуты пристрастилась к печеньям, калачам, пирогам и другой выпечке. Хоть в этом у нее не было недостатка. К сожалению, теперь я отдувалась за двоих. Держала строгую диету, занималась, пока меня никто не видит.

В целом, на внешность можно было не жаловаться. Лицо у меня было миловидное, с правильными чертами. Карие глаза с лисьим прищуром, совсем не похожим на остальных членов семейства Бестужевых. А волосы... они тяжелыми каштановыми кудрями ложились на мои, пока покатые плечи.

Эх, может, на локоны и купился Долгорукий? Если верить слухам, то идея у императора назрела, потому что Его Величество увидел нас двоих рядом на балу, таинственно о чем-то шептавшихся. Я, естественно, ни о чем не ведала, знать не знала о теме беседы, но после этого разговора у Олюшки и начались проблемы.

Дома ее буквально заклеили позором.

А если верить и другим сплетням, то князю Бестужеву в свете не жаловали. Пустышка, что с нее взять? А вот генерал-майор Сергей Долгорукий был известным придворным, желанным гостем на всех мероприятиях, красавцем и повесой. Для чего он обращался к Ольге? Тоже хотел поиздеваться?

Задумавшись над этим вопросом, я зашла за ширму и принялась исполнять акробатические трюки, чтобы развязать проклятый корсет. Эту часть своего ежедневного туалета я возненавидела моментально, но и отказаться от него не могла, фигура не позволяла.

— Апчхи! — раздалось где-то в спальне.

Незнакомое, скрипучее и явно мужское.

Потом кто-то фыркнул и чихнул еще раз.

Насторожившись, я стащила платье и прижала его к груди. Ко мне никто никогда заходил, даже служанка.

Ступая на цыпочках, осторожно выглянула из-за ширмы.

«Фух, кот, — подумала я, обнаружив возле натопленного камина черного, короткошерстного и увесистого кота. Моментально успокоилась, расслабила мышцы, отвернулась и... повернулась снова. — Черт возьми, кот? Откуда?»

Животное меня несколько не напугалось, словно каждый день со мной ночевало. Он разлегся на полу и принялся вылизывать одну из лап.

— Как ты сюда пробрался, мальчик? — опустила и провела рукой по чистой, блестящей шерстке.

Нет, конечно, в имении свои коты были, но я ни разу не видела именно этот великолепный экземпляр.

Жирный, лоснящийся, с рваным ухом и хитрым выражением.

Но едва я оторвала ладонь, как произошло что-то необъяснимое. Еще более удивительное, чем мое попадание в другой мир и в чужое тело.

— Сашка твоя приворовывает, — фыркнул котище и заговорил. Натурально заговорил на моем родном языке. На человеческом в смысле. — Ты бы приструнила горничную. Она меня, кстати, и впустила. Еще приговаривала, чтобы я вещи твои попортил. Так-то я могу, — явил он свои когти, — но у тебя там ничего и не осталось в гардеробе.

Осознав, что мне не показалось, что я не превратилась в сумасшедшую, я осела на ковер и отползла от зверя подальше.

— Ты кто такой? — не могла сказать, что боялась его, но предпочла увеличить расстояние между нами.

Говорящий кот. Его только для полного счастья не хватало.

Хотелось прокричаться, пожаловаться, но некому. Пора привыкнуть к вывертам судьбы. Телепортация, магия, теперь вот он... И его фразочки по поводу служанки меня совсем не волновали.

— Я фамилляр, — важно сообщил мой неожиданный гость и махнул длинным хвостом. — Твой дух, помощник и... — критически оглядел меня с головы до ног. И явно не найдя во мне ничего положительного, продолжил: — видимо, наставник.

— Фами...кто? — не поняла я.

— Не фами... кто, а фамилляр. Нет, если ты совсем дура необразованная, то я обращусь в высший магический совет. Сколько можно меня посылать к неотесанным...

— Ведьмам? Я ведьма?

Я хихикнула. Я уже во все поверила, даже сама расстроилась, что в тело пустышки попала, а окажусь злой колдуньей? Ведьмы в этом мире вроде бы водились и славились сглазами, ядами и любовью причинять гадости.

После нескольких недель в обществе Бестужевых, я как раз очень не против кому-нибудь гадость причинить. У меня целый список из обидчиков имеется.

Кот опять посмотрел на меня как на идиотку.

— Ты зеленая, бледная?

— Нет.

— Около тебя цветы вянут?

Я оглянулась на маргаритки и фиалки, растущие в горшках на моем подоконнике.

— Нет, — завертела головой. Растения чувствовали себя отлично.

— И нос у тебя не крючковатый.

Коснувшись кончика носа, удостоверилась, что он у меня небольшой, прямой и очень миленький.

— Стало быть, ты не ведьма, — заключил кот. — Да и фамилляры им не положены, у них своих помощников хватает.

От его объяснений понятнее не становилось. Наоборот, пушистая язва запутала меня еще больше. Если верить мифам своего мира, то фамилляры были спутниками ведьм. А котик мне в компанию набивается.

— Тогда почему ты здесь? — недоумевала я. — У меня нет никаких сил, никакой магии.

— Потому что, — устало вздохнул кот, — тебе напиться было нужно. Ты же иномирнянка, — обозначил, словно дело рядовое, ничем не занимательное. — Я до тебя пытался докричаться, достучаться, но ты меня не видела. А как сил поднабралась, я тоже осязаемый стал. — Он запрыгнул мне на колени и принялся ластиться. — Не дрейфь, Ольга, я тебя всему научу.

Прозвучало многообещающе.

— Хорошо бы, если бы ты сказал, отчего появился. Неужели... — в животе появилось странное ощущение, словно там бабочки запорхали, — у меня магия есть?

— Есть, — мурлыкнуло животное, — ты... ясновидящая.

Судя по тону и серьезной мордочке, смеяться не полагалось, пришлось подавить очередной смешок, застывший в горле.

— Ясновидящая, значит?

Та самая, которая пальцами около шара крутит, потерянную сущность ежика ищет, карты таро разбрасывает и энергетические поля читает?

— Не веришь? — подивился котяра. — Ясновидящих у нас чтут. Это не стихийники-разрушители. Ты лечить можешь, ауры читаешь, даже мысли способна прочесть, если очень постараешься.

— Мысли, аура...

Перевернуть информацию было сложно.

— Да, — закивал маленький хищник, — неужели ни разу не ощущала, глядя на братьев или маменьку?

Я принялась перебирать воспоминания в голове. Я бы не сказала, что что-то чувствовала, но... К Федору, например, я прикипела сразу. Татьяна меня не раздражала, хотя девушка меня старалась избегать, а вот Антона, Святослава и Антонину Михайловну моментально невзлюбила. Это касалось и отца семейства, но о покойниках плохо не говорят.

Все объяснялось тем, что родственники сами относились ко мне неприязненно, но ведь я с первой секунды, с первого мгновения поняла, что двое светловолосых мужчин, маменька — они злые, мерзкие. Кот скажет магия?

Нехотя я подтвердила его слова.

— А как зовут тебя? — снова зарылась пальцами в его шерстке.

— Как хочешь, так и назови, — довольно мурчал он, — мое настоящее имя все равно не выговоришь.

— Бегемот? — предложила я один из вариантов, вспомнив еще одного наглого представителя кошачьих из классики.

— Не солидно, — не согласился фамильяр. — Давай другое.

Не солидно ему.

— Ну, не знаю, — затянула я, — Тень, Уголек, Васька, Дымок, Воланд, — перечисляла одно имя за другим, принимая во внимание его темный окрас.

— О, последнее мне нравится, — мяукнул новоявленный Воланд, — на этом и договоримся.

Я закатила глаза. Он же понятия не имел, в честь кого я дала такое имя. И что-то мне подсказывало, что пояснение его абсолютно не расстроит.

— Ладно, Воланд, — не без труда встала с пола и прихватив питомца, пересела на кровать. — Хотелось бы получить чуть больше информации. Раз ты дух, фамильяр, и есть какой-то магический совет, будь добр, объясни, каким образом я оказалась здесь. Где Олюшка, и как мне вернуться обратно?

— Вернуться, скажешь тоже, — фыркнул зверь. — Ты теперь сама Олюшка, не видишь?

— Отчетливо вижу, но я ведь не она.

— Не она. Но та девочка тоже ясновидящей была, просто не осознавала. Сила же редкая, ей мало, кто обучает. Да и пассивная немного. Разглядеть эту магию непросто. Вот ее семья ничего и не почувствовала. Глупцы.

Кот говорил, а я внимательно его слушала. Выходило безумно занятно.

Олюшкина душа, правда, покинула этот мир. Она вроде и не погибла, но где она, знали только местные боги. Они же меня сюда и затащили. На мой очевидный вопрос: «Зачем?», Воланд долго отнекивался, но под пытками, а точнее, потому, что я пригрозила потянуть его за хвост, он проверещал, что я одна могу этот мир спасти. Но как именно, и кто нападает, он и сам не в курсе. Зато прислан, чтобы меня наставлять и помогать.

Тоже мне, помощничек.

— Вы против кого-то воюете? — я хотела подытожить все логически.

— Да разве людские войны богов интересуют?

— Хорошо, — опять закатила глаза, — а какие войны богов интересуют?

— Против чертей и демонов, естественно. Но они все под замком давно спрятаны. Нет им хода в нашу страну.

— Тогда повторяю, зачем я?

На это у Воланда ответа уже не было. Он что-то мяукнул, фыркнул и отбежал подальше, чтобы я не исполнила свою угрозу.

Первые несколько минут я злилась, после торговалась, а потом смирилась. Котик ведь тоже приказов слушается. Одно меня расстраивало, я вроде как на свадьбу с князем Долгоруким согласилась, а теперь открылись новые факты.

Заснули мы с питомцем вместе, а когда я проснулась, обнаружила перед собой нерадивую служанку.

Сашка или Александра, как звала ее маменька, кралась незаметно и раскрыла шкатулку, принадлежащую Олюшке, а теперь уже мне, раз я живу в ее теле.

Какое-то время, я продолжала делать вид, что крепко сплю, заодно перебирала в голове слова фамильяра, поступки Сашки и ее презрительное отношение.

Когда она потянула руку, чтобы взять что-то, я села на кровати и грозным голосом сказала:

— Остановись!

— Барышня? — изумилась девушка. — Вы не спите?

— Не сплю, наблюдаю, как меня слуги обкрадывают, — кивнула я разозлившись.

Это какой же надо было быть мямлей, чтобы допустить подобное?

— А я не обкрадываю, Ольга Юрьевна, я на чистку хотела отнести.

— Не трожь! Если бы мне понадобилось, я бы попросила. И вообще, — посмотрела на Воланда, а тот ободряюще кивнул, — иди прочь. Ко мне, в мои покои, никогда не входи. Видеть тебя не хочу. Сегодня сама спущусь на кухню и выберу новую служанку.

— Но ваша матушка...

— Ты ей служишь или мне?

— Нет... — взгляд ее бегал. Не привыкла девушка, что Оля отвечает и приказывает.

— Вот и молчи. Уходи, пока я тебя тряпкой мокрой не погнала.

Смотрелась я довольно воинственно, но то ли на меня обретение магии повлияло, то ли соратник под боком, я решила больше не подстраиваться под обстановку. Про иномирянство в этом мире никто не слыхивал, если верить фамильяру, а то что у Олюшки характер появится — оно же ей только на пользу, да и старший брат точно поддержит.

Я полагала, что наглая горничная уйдет, но та лишь спину выпрямила и звонко рассмеялась.

Теперь я понимала, о чем мне вчера говорил Воланд. За ней, словно дымка, встала холодная, темная тень. Неприятная, серая. Я будто ощутила брезгливость. Вероятно, Сашка была злобной, завистливой особой, но я отчетливо видела, что она из себя ничего не представляет.

— Вы меня сколько угодно прогонять можете, княженка, но в имении все княгиня Бестужева решает. Антонина Михайловна.

Пришлось ради этого встать и взять кочергу у камина. Взмахнув, я пригрозила наглой идиотке.

— Маменька — вдовствующая княгиня. После похорон всем Татьяна заправляет.

— Как бы не так... — артачилась девица, но все-таки испугалась, отошла к двери.

— Позже узнаем, а прислугу собери, пока я с тобой окончательно не распрощалась.

Сашка выскочила за дверь, а Воланд восхищенно произнес.

— Ну, Ольга, тебе теперь одна дорога. Так и чертей всех прогонишь, и нежить.

Опустив железную кочергу, я постыдилась своей реакции.

— Боюсь, маменька отреагирует по-другому.

Я точно знала, что служанка помчалась жаловаться, но предпочитала поменьше думать об этом. Если часы показывали правильно, я могла застать Татьяну на утренней прогулке перед завтраком.

Жена брата была такой же тихой скромницей, как и Олюшка. Правда, дома ее поддерживали, очень любили, но учили тому, что свекрови противоречить не стоит. Ей надлежало слушаться мужа, вести хозяйство, рожать детей. Она со всем справлялась... почти...

В некоторых вопросах Антонина Михайловна не горела желанием передавать ей бразды правления. Отстраняла от домашних дел, отменяла распоряжения, игнорировала, в общем, вела себя как типичная вредная свекровь, а Таня с ней просто не спорила.

Она была такой кроткой, душевной и тихой, что мне аж тошно становилось.

— Татьяна, Татьяна, — догнала свою сноху.

Та гуляла в саду, в окружении своих верных служанок, которых привезла из дома, и кому могла доверять.

В этом, не без поддержки Федора, она настояла.

— Ольга? — моя невестка изумилась при виде меня. — Доброе утро. Что-то случилось?

Чуть запыхавшись, я смотрела на девушку во все глаза.

Я понимала, за что брат ее выбрал. Все понимали.

Федор хотел, чтобы у него был надежный тыл, спокойная, счастливая жена. Единожды ее встретив, он больше с ней не расставался.

— Доброе утро, — провозгласила я. — Хотела предупредить, что за завтраком будет серьезный разговор с твоей свекровью, моей матушкой.

— Оля, у тебя? Да ты своей тени боишься. — поразились Татьяна. — Какой?

— Я выгнала служанку, хочу сама подобрать новую.

Полагала, что невестка уцепится за это, одобрит, в конце концов, она хозяйка в усадьбе, но...

— Ты хотела предупредить меня? — Девушка осталась невозмутимой. — Когда я приехала, ты мне и десятка слов не сказала, а я ведь просила о помощи. Ничего. Просто ушла. — Не смогла она скрыть свою обиду.

Понуриив голову, я промямлила слабое оправдание.

— Федор не был главой семьи.

— Но к нему прислушивались. Юрий Вениаминович давно не вникал, а ты не спорила...

Ох, как мне становилось стыдно за мою предшественницу. Но если у той не было храбрости, разве можно ее в этом винить?

Я подняла голову и взяла Татьяну за руку.

— Я скоро покину это место. Но я не хочу ехать к будущему мужу с горничной, которую презираю. И хочу, чтобы здесь тоже что-то поменялось. Антон и Святослав отправятся на службу. Думаешь, Федор оставит матушку? Да он ее скорее в дальнее имение отправит.

— Уверена? — прищурилась настоящая княгиня Бестужева.

Как ни странно, в брате я не сомневалась. К маменьке он относился с уважением, но большую часть ее речей пропускал мимо ушей. Да и не был он ее любимчиком, то ли дело младшенькие. Одинаковые, словно близнецы, и гадкие.

— Да, Татьян, — вздохнула я. — Уверена. Теперь-то я тебя точно поддержу.

— Хорошо, — хмыкнула невестка, но до конца все равно не доверилась. — Иди на завтрак, я скоро присоединюсь. Но ведешь себя ты странно. Никогда тебя такой не видела.

Ничего не объясняя, я оставила княгиню одну и, замедлив шаг, отправилась в столовую.

Жизнь семьи Бестужевых можно было сверять по расписанию. Они всегда трапезничали в одно и то же время.

Не торопясь, я зашла в коридор, поправила рукава своего платья, взмахнула подолом, чтобы стряхнуть землю и песок, и нос к носу встретила со своей родительницей.

Позади нее застыла Сашка с веселой ухмылкой.

— Ольга, — начала вдовствующая княгиня, — ты чего о себе возомнила? Решила прогнать верную Александру, потому что тебе что-то показалось?

Она едва слюной не брызгала, не принимала в расчет, что послушная дочь заимела голос и свое мнение.

— Верно, маменька, — вежливо поклонилась я. — Прогнала. И видеть ее подле себя не желаю. Появится, поколочу.

— Да я скорее тебя выпорю. Александра с детства у нас трудится. С тобой практически выросла.

— И ворует, — поморщившись, сообщила я. — Сколько платьев и драгоценностей у меня пропало, пока она служит?

Что-то мне подсказывало, что Антонина Михайловна в курсе всех краж. У нее ни одна мышца не дрогнула.

— Это не обсуждается, это мой приказ, как главы этого дома! Сашка — твоя горничная. И она никуда не уйдет.

— А вы не глава этого дома, маменька, — съязвила я, удержавшись от детского жеста, и не показала язык. — Теперь глава дома Татьяна, а вам надлежит во вдовье поместье перебраться. Где оно находится, вам известно?

Пожалуй, я была слишком груба, потому что у моей родительницы потемнели глаза. На секунду я испугалась, что она закончит, как ее супруг. Пожилая женщина занесла руку, чтобы дать мне пощечину, но я перехватила.

Я бы хотела оставаться Олюшкой, тихой, скромной, благодушной, но члены семьи воспринимали вежливость как слабость.

— Вы никогда больше не поднимете на меня руку, — зашептала я, а если поднимете... Поступлю с вами так же, как и с Сашкой.

— Кочергой пригрозишь? — с явной обидной зашипела мать.

— Не только пригрожу, — пообещала я.

К счастью, нас прервали. В столовую устремились братья, вошла Татьяна в окружении своих слуг. Спустился и Федор, пребывавший в отличном расположении. Он-то радовался, что находится в родных стенах, что жена рядом, что скоро ребенок родится.

Молодая семья задержалась в дверях. Мужчина расспрашивал супругу о самочувствии и держался за ее, пока очень скромный, живот. Я налюбоваться на них не могла.

За столом долго не завязывалась беседа. Я присматривалась к другим братьям, не понимая, отчего те меня настолько ненавидели. Да, мы сильно отличались.

Федор, Антон и Святослав были голубоглазыми красавцами, но если Федор имел темную шевелюру, то младшие пошли в матушку и славились русым цветом волос.

Я со старшим братом была более похожа. Правда, цвет глаз и разрез у меня другой, но я предпочитала думать, что этим меня одарил Юрий Вениаминович.

— Федор, — первой заговорила Антонина Михайловна, — представляешь, у нашей Ольги прорезался голос. Негоднице теперь никто не указ. Она требует новых слуг.

— В чем проблема, маменька? — не понимал новоявленный глава семейства, держа под столом руку своей благоверной. — Хочет и хочет. Это ее право. Мы не бедствуем, можем и новых предоставить.

— Если так рассуждать, мы горничными не напасемся. Александра долго служила нам... Ее бы, наоборот, наградить.

Ага, за сплетни и доносы.

— Ее обвинили в воровстве, маменька, — заметила Татьяна, которой я успела вскользь рассказать о своих претензиях.

— Кто? Олюшка? Она не в своем уме. — Аргументировала женщина, — я, естественно, могу отправить людей, чтобы вещи горничной обыскали...

— Отличная мысль... — обрадовался Федор.

В его мозгу что-то перещелкнуло. Он внезапно осознал, что участвует в какой-то женской войне, и отчаянно сопротивлялся.

— Я могу быть и не в своем уме, но путь обыск проводят служанки Татьяны, — попросила я, ядовито улыбаясь матушке. — Они покрывать эту воровку не будут, а она, — поймала взгляд своей горничной, — должна остаться здесь.

— Ольга, что за манеры? — возмутилась Антонина Михайловна.

— Но она права, — согласился со мной брат. — Александра, стойте на месте. Уверен, это какое-то недоразумение. Татьяна, будь добра, распорядись.

Ох, да ради этого зрелища все и затевалось. Даже Таня не скрыла своей едкой усмешки. Она попросила своих девушек обыскать комнаты других горничных и обратить внимание на помещения старой прислуги.

Антонина Михайловна бледнела вместе с Сашкой. Потом позеленела, а потом с ненавистью уставилась на меня.

К концу трапезы противная Александра была почти в обмороке, а маменька и куска не проглотила. Девушки Татьяны вернулись.

Выставив ладонь, одна из них притащила браслет, кольцо и две пары сережек. Другая неслла выходные платья.

— Простите, барин, — обе поклонились. — Мы с плохими новостями...

Кому как.

Переглянувшись с невесткой, поняла, что она довольна увиденным. Впрочем, как и я, хотя на драгоценные безделушки и одежду мне было плевать.

Зато брат в лице изменился. Ох, мне на секунду страшно стало.

Он стал похож на Юрия Вениаминович в последние мгновения. Потемнел, прищурил налившиеся алым цветом глаза, а после повернулся к вдовствующей княгине.

— Маменька, — голос был обманчиво спокоен, но все, конечно, догадывались, что его невозмутимость напускная, — как это понимать?

— А что понимать? — хмыкнула Антонина Михайловна. Сжала в ладони столовый прибор, костяшки ее пальцев побелели. — Я и сама разочарована. Так этой девке доверяла. Ну, — прикрикнула она на других девушек, — уводите ее, отведите ее к управляющему. Пусть он все ее вещи досмотрит, а ее накажет.

— Но Антонина Михайловна... — всплеснула руками Сашка.

— Уводите, уводите, — продолжала верещать маменька. — Я чуть попозже подойду...

Понятия не имею, для кого разыгрывался весь этот театр. Федор не был дураком, быстро смекнул, что про потерянные вещи матушке было известно, что она все дозволила, что моя горничная меня обижала и доносила обо мне.

Я ждала часа расплаты. Внутри словно уголь накалился. От нетерпения задрожали руки. Вдовствующая княгиня Бестужева за эти несколько дней настолько довела меня, что я бы никогда не пожалела о содеянном. Впрочем, и Татьяна выглядела счастливой.

Еще бы, избавилась от противной и вредной свекрови, которая незаметно, исподтишка отменяла все приказы, новшества, переделывая по своему вкусу и совершенно не считаясь с мнением новой, настоящей княгини.

— И как мы ее только в дом допустили? — усмехнулся тихо Антон, но подавил смешок, когда старший брат строго взглянул на него.

— Федя, дорогой мой, — начала причитать пожилая женщина, — но я же не могла знать наверняка? Думала, что Ольга попусту болтает. Она вечно всем и всеми недовольна. Бормочет что-то себе под нос, отца в могилу свела.

— А может в этом и кроется причина? — вступился за меня князь. — Что горничные над ней издевались, а вы родной дочери не поверили?

— Ох, хватит, — Антонина Михайловна, почувствовав, что дело принимает дурной для нее оборот, тут же схватила за сердце, которого, по-моему мнению, у нее вовсе и не было. — Мне плохо. Сговорились, значит, и мать умотать? Мало вам отца? Со свету сжить меня хотите? Вертихвостки!

Кажется, последнее замечание относилось не только ко мне, но еще и к Тане.

— Доктора? Вызвать лекаря? — беспокоился Святослав и поспешил подойти к осевшей на стуле матери.

— Мне бы отлежаться... — слабо произнесла она.

— Отлежитесь, обязательно отлежитесь. — Встал со своего места Федор. — Видимо, вам здоровье не позволяет в усадьбе порядок навести. Пусть этим Татьяна займется, она к этой роли привычна...

— Да как же? А я... А она... Танюша же на сносях, — не желала маменька оставлять свою почетную роль хозяйки имения.

— Ничего, Антонина Михайловна, — вежливо обратилась невестка. — Я совсем справлюсь, мне и Олюшка поможет.

Взглянула на меня жена брата с благодарностью. Я же ей идею подала.

— Я тоже буду помогать!

— Не будете, маменька, — твердо высказался брат, — скоро лето. На минеральные воды поедете, здоровье поправлять.

Полагала, что женщина и дальше будет стонать, плакать и просить, но она промолчала. Видимо, осознала, что так как раньше уже не будет. Федор не мягкий пряник, он характером в батюшку пошел, но и жестокостью старшего Бестужева не отличался. Нытье ей не поможет.

Поддерживаемая с двух сторон младшими сыновьями, она ушла в свою спальню. Я тоже поспешила к себе, не забыв прихватить немного съестного. В суматохе никто не заметил, что я пропала, Таня сразу принялась отдавать приказы, а брат отправился разбираться с управляющим и воровкой.

По пути до комнаты с таким трудом удержалась, чтобы не начать присвистывать и скакать. Но мяукающий и требовательный Воланд, выскочивший из-за двери, меня остановил.

В другом мире у меня котов не было, но я окончательно пришла к выводу, что голодный кот страшнее всех демонов ада. Их вы можете изгнать, а его нет.

— Что же ты так долго? — хрустел он куриными костями.

— Нарушала семейную идиллию, — отмахнулась я. — А ты разве не дух? Разве тебе нужна пища?

— В тебе тоже дух есть, но ты-то себе ни в чем не отказываешь, — заворчал хвостатый.

Вздыхнув и критически оглядев себя, я решила не обижаться. До идеальной фигуры мне далеко, но диета и физические упражнения потихоньку начинали приносить результаты.

Пока Воланд трапезничал, меня никак не могли оставить мысли, отчего маменька ненавидит дочку. Вот прямо избавиться пытается, хотя предстоящая свадьба с Долгоруким ее тоже не обрадовала.

Обычно младшеньких любят, балуют. Тем более, в семье одни мальчишки были.

Была у меня одна догадка, самая неприятная и самая подходящая. Вспоминала всех членов семьи за столом. Опять внешность их в памяти перебирала.

Федора, Антона и Святослава объединяла общая черта. Все они были обладателями чистых, глубоких, синих глаз, как у их матери, когда у Олюшки были карие. Цвет волос младшие мужчины тоже взяли от Антонины Михайловны, а вот Федор от Юрия Вениаминовича.

Чем больше я над этим думала, тем больше удостоверюсь, что Ольга не Бестужева. Она могла быть кем угодно, чьей угодно дочерью, но не вдовствующей княгини. Оттого ее и невзлюбили, оттого почивший князь не питал к ней приязни. Помнил о своей ошибке.

Своими предположениями поделилась и с котом.

— Ольга, — прищурился он, — ты можешь и сама это проверить. Тебе же надо в магии тренироваться.

— Знать бы еще как, — застонала я.

— Я научу.

С этого дня и начались наши занятия. Жаль, что времени оставалось совсем мало, потому что на следующий день, раньше чем планировалось, прибыли долгожданные и не самые приятные гости.

Глава 2. Оля

На следующий день меня разбудила моя новая горничная. Татьяна и я выбрали другую девушку по имени Надежда.

Она мне сразу понравилась, светленькая, смешливая, с россыпью веснушек на носу и щеках. Отчего-то я сразу к ней прикипела. Она была ровесницей Олюшки, но в усадьбу прибыла недавно, вместе с челядью невестки.

— Княжна! Княжна! — ворвалась она в мою спальню и отдернула шторы, чтобы впустить утренний свет. — Едут! Едут!

Не проснувшись окончательно, я с трудом разлепила веки. Половину ночи я училась ясновидению, но, по словам Воланда, старалась мало. Пока ничего путного не выходило, зато я почувствовала, что вес тает на глазах. Магия — требовательная наука, очень много сил вытягивает.

Поэтому девицы ей редко обучались, а мужчинам надлежало тренироваться не только в умениях, но и физически, чтобы поддерживать волшебный резерв.

— Кто едет? — не понимала. — Мы разве ждем гостей? У нас же траур.

— Так жених ваш едет, барыня, князь Сергей Владимирович Долгорукий. — Надя прыгала вокруг меня, доставая из гардероба белье, чистые сорочки, платья на выбор. — Гонца прислал с сообщением, что к обеду прибудет вместе с его матушкой.

— Ох, нет, — безвольно упала обратно на подушки и зашептала, — чтоб он провалился.

Весть меня не обрадовала, я только дома свою жизнь наладила, что-то понимать начала, а теперь жених. На кой он мне сдался?

— Вставайте, вставайте, — опять защebetала девушка и стянула с меня одеяло, — у нас совсем времени нет. Вам же подготовиться нужно, ванну принять, нарядиться, причесаться.

Я бы отмахнулась. Пусть замуж берет меня такую, какая я есть, в халате и с гнездом на голове, но я бы всех Бестужевых опозорила, а в первую очередь Федора.

Кряхтя и чертыхаясь про себя, я встала с постели. Кот, как ни странно, куда-то пропал, но Надя успела с ним вчера познакомиться. Я приказала Воланда не гнать, усиленно кормить и не обижать.

Сейчас бы поддержка фамильяра не помешала, ему и пожаловаться не стыдно, но наедине я не оставалась до самого обеда.

Надежда, другие девушки, которых милостиво прислала невестка, превращали меня из гадкого утенка в тонкого лебедя.

Сама Таня не пришла. Тоже торопилась навести порядок в доме под язвительные замечания обиженной свекрови.

Мысленно я возненавидела князя Долгорукого. Из-за его беспечного решения, читай, самодурства, он вызвал истинный переполох, доставил всем кучу неудобств. И ведь мужчина не останется на ночь или хотя бы на ужин. Посмотрит на меня, поговорит, обсудит со старшим братом приданое, и в тот же вечер вернется к себе домой.

Злилась. Ради нескольких часов терпеть столько мучений.

Критически оглядывая себя в зеркале, я поблагодарила всех горничных.

Жаль, но фокус не удался. Не станет тяжелая медведица в одночасье грациозной ланью. Вот и я не стала. Да, смотрелась лучше. Да, симпатичнее, но ради затянутой фигуры я едва дышала, а пластины корсета впивались в нежную кожу.

Волосы мне не убирали, закололи заколкой, чтобы пряди на лицо не сваливались. Немного подрумянили.

Интересно, а что скажет матушка? Похвалит? Или найдет за что поругать?

Так и не отыскав своего пушистого помощника, я спустилась вниз, в гостиную, где уже сидела Антонина Михайловна, все братья и невестка.

— Ох, Ольга, — встал со своего места Федор, — ты прекрасно выглядишь.

— И правда, — встала Таня, тепло улыбаясь мне.

Пожалуй, самооценка у меня чуточку поднялась.

— Что прекрасного? Что? — всплеснула руками маменька. — Грузная, неповоротливая, даже стыдно замуж отдавать. И за кого отдаем? Отец в гробу перевернется.

— Матушка, прошу вас молчать, — с нажимом отозвался старший брат, подошел ко мне и помог усесться на длинную кушетку. — И особенно при наших гостях. Вы же не хотите вызвать мое неудовольствие или обиду князя Долгорукого?

— А вы меня больше ни о чем и не спрашиваете. Перестали уважать. — Не унималась ворчливая женщина. — Родной сын против матери пошел.

— Если вы продолжите, я буду вынужден попросить вас вернуться в собственную спальню. — Разозлился глава семейства. — Долгоруких мы можем встретить и без вас.

Похоже, что вежливый приказ подействовал. Но я нутром ощущала, что ненадолго. Не утерпит вдовствующая княгиня, позже снова попытается уколоть меня.

Но не об этом мне следовало думать.

Я боялась, дрожала словно осиновый лист на холодном ветру. Ладони вспотели от напряжения. Не выдам ли я себя? Не заподозрит ли Долгорукий? Все-таки мы были знакомы.

Ожидание продлилось недолго. Сергей Владимирович, его мать Екатерина Степановна, прибыли akurat в тот час, который указали. Все услышали, как их встречает управляющий помещьем, как вежливо здоровается, принимает верхнюю одежду и ведет к нам.

Мы поднялись.

Не одна я тревожилась за этот внезапный прием. Татьяна тоже нервничала, теребив в своих руках белый, шелковый платок. Впервые она выступала в роли хозяйки.

— Ваше Превосходительство.

— Ваше Превосходительство.

Мужчины вышли вперед и поздоровались. Рукопожатие вышло крепким, мне показалось, что даже болезненным.

Впервые за сотню лет Долгорукий переступил порог дома Бестужевых.

Я не слушала, что говорит брат, как он представляет всех домочадцев. Не очень вежливо уставилась на жениха, и ничего не могла с этим поделать.

Князь был высок, физически развит, но, наверное, все военные становились таковыми. Крепкие, широкие плечи, мускулатура свидетельствовали о способности переносить все трудности военной, часто полевой жизни.

С тонкими, правильными чертами лица, присущими высшим кругам аристократии. Чисто выбритый, с чуть выющимися волосами и смуглой кожей. Сергей Владимирович мог похвастаться очерченным, волевым подбородком, с необычно острыми, высокими скулами и притягательным взглядом. Он был красив и явно знал об этом.

В первые мгновения я бы дала ему лет двадцать семь, двадцать восемь, но чем дольше я смотрела, тем больше приходила к выводу, что он гораздо старше. В глазах застыло странное выражение. Не скучающее, не небрежное, не мученическое, он ведь тоже пострадал из-за приказа императора, а цепкое, жесткое, словно он подмечал каждый сантиметр обстановки.

Держался он прямо, не сутулился, двигался медленно и лениво. Повернулся ко мне...

— С Ольгой вы уже знакомы, — раздался голос Федора, отвлекая меня от созерцания.

Я вдруг вспомнила, что не знаю, как правильно себя вести. В связи с трауром мы никуда не выезжали, поэтому брать пример я могла только с домашних. Поклон, книксен, что делать-то?

Изобразив неуклюжий реверанс, заметив, как многозначительно переглянулся князь со своей матушкой, я учтиво поздоровалась.

— Добрый день, Сергей Владимирович, — старалась выглядеть нежной, робкой.

— Рад вас видеть, княжна, — с некоторой заминкой отозвался мой суженый. Задержал губы у моей ладони, прищурился.

Реакция была любопытной, но я решила не придавать каждому жесту какое-то сакральное значение. Мы практически на смотринах, но есть ли разница, если свадьба уже оговорена?

Когда с приветствиями было закончено, он представил и свою родительницу.

На вид она чем-то напоминала мне Антонину Михайловну, обладала таким же властным выражением лица, была серьезной, замкнутой.

Холодно улыбнувшись, она предпочла общаться не со мной, а с маменькой, но я-то знала, что она не выпускает меня из виду, следит.

— Прощу, дорогие гости, — Федор пригласил Долгоруких в столовую, взял под руку Татьяну и пошел впереди всей процессии.

За ним Долгорукие, за князем и вдовствующей княгиней младшие братья. Последней шла я.

В мой локоть вцепилась матушка и принялась шепотом отчитывать.

— Веди себя прилично, Ольга. Неужели я тебя ничему не научила. Наглая ты оказалась, кто бы знал. Смотрела, пялилась. Одним предкам известно, что о тебе князь подумает. Перестань нас всех позорить.

Сжав руку матери, да посильнее, я предпочла не отвечать. Ушей слишком много... лишних.

Меня и жениха посадили друг напротив друга. И возле главы дома, конечно. Сначала произошел традиционный обмен любезностями.

— Спасибо за прием, Федор, у вас великолепный дом, — осматривал убранство мужчина.

— И Олюшка — замечательная девушка, — опустилась до скупого комплимента моя будущая свекровь.

Я зарделась, но не от слов Екатерины Степановны, а из-за внимательного взгляда Сергея. Жутко хотелось побеседовать с ним наедине. Выяснить, о чем же он и Оля переговаривались на злополучном балу.

— А я благодарю вас за приезд, — поднял бокал старший брат и произнес тост. — Пусть союз между нашими семьями будет нерушимым, чтобы мы больше ссорились, и чтобы он моей сестре принес много счастья.

Ох, как лицо у маменьки перекошилось. Да и свекровь отчего-то губы поджала. Зато Сергей чувствовал себя свободно, словно и не было между Бестужевыми и Долгорукими никакой вражды.
Екатерина Степановна болтала с Татьяной и Антониной Михайловной о хозяйстве, о слугах и о летнем отдыхе на минеральных водах. Мужчины завязали тихую беседу об армии. Вскоре в полк отбывал Антон, готовый примерить на себя военные мундир.
Я прислушивалась, изучала, что происходит в государстве, пока мое передвижение ограничено одной усадьбой.

Сергей рассказывал о магических прорывах, о каких, я едва ли понимала. Что-то такое Воланд болтал, но он-то утверждал, что все твари из подземелий запечатаны надежно.

Твердо решив вечером поймать кота и вытрясти из него душу и признания, я расслабилась. Все равно с женщинами подобных разговоров не ведут.

Но расслабилась зря. Поймав момент моей слабости, на меня накинулась вдовствующая княгиня Долгорукая.

— Олюшка, а не расскажете про себя? Про вас почти ничего не известно. На балах, да приемах вы больше в стороне сидели. В танцах почти никогда не участвовали, только с братом.

Какого же было мое удивление, когда вы с Сережей двумя словечками перемолвились, а Его Величество вас сразу на женитьбу благословил.

Она, что, обвиняла меня в том, что я все подстроила?

Отложив приборы, собиралась с мыслями, чтобы осторожно ответить.

— Простите, княгиня, но я даже не знаю, с чего начать. Выросла я здесь, пределов поместья и столицы не покидала.

— Какая вы скромная, словно совсем жизни и не видели.

— Да, моя сестра скромная, — подтвердил брат, не понимая, к чему клонит Екатерина Степановна. — У нее замечательное воспитание, хорошее образование...

— Дружбу, говорят, крепкую с цесаревичем водит, — бросила между делом женщина, — видимо, полезную...

Теперь замолчали все, ожидая, что я скажу в свое оправдание.

Это своего рода обвинение. Незамужняя молодая девушка, едва достигшая совершеннолетия, умудрилась завести близкие отношения с наследником. От репутации ни клочка не останется.

Но это же бред. С цесаревичем? Дружбу? О чем она? Общайся я с кем-то помимо семьи, я бы наверняка об этом уже знала, письма должны были приходить, новости, но мной-то никто не интересовался.

— Матушка, перестаньте, — тихо, но настойчиво произнес Сергей.

Опять посмотрел на меня... странно... с сочувствием.

— Прости, Сережа, но должны мы знать больше. Сплетни начнут потом о тебе ходить, о твоих детях будущих. И без того пустышку в дом берем.

— Не начнут.

Не выдержав оскорблений, заметно помрачнев, со своего места поднялся Федор.

— Позвольте, но я не понимаю, о чем вы говорите. Веди себя Ольга неприлично, об этом бы уже знали все. Дворец хоть и огромный, но деревню провинциальную напоминает. Складывается впечатление, что вы специально скандал учинить пытаетесь. — Бушевал он, — Сергей, в этом твоя цель состояла? Поэтому приезд ранний?

Брат был разгневан. Надоело ему разыгрывать комедию. Он всех радушно принял, Таня с ног сбилась, чтобы стол накрыть и в срок успеть, а меня оговаривают.

— Нет, Федор, нет, — Долгорукий тоже поднялся. — Я прошу прощения за княгиню. Матушка, извинись перед Ольгой.

— Извинюсь, если это неправда. — Екатерина Степановна упрямо настаивала на своем. И вновь все глаза были обращены ко мне.

Правда, неправда, мне-то откуда знать?

Я медлила, врать не хотела, боялась последствий, если выяснится, что Оля не так проста, как показалась. Уже открыла было рот, чтобы самой извиниться и сбежать из-за стола, ссылаясь на возникшую слабость, но меня опередил будущий супруг.

— Я приказываю. Не вызывай моего раздражения. И поверь, мне точно известно, что это неправда.

Будущая свекровь потемнела. Меня-то она уже опозорила, а сама слабость показывать не стремилась. Тем более, перед ненавистными Бестужевыми и возможной невесткой, которую она осуждала.

Как ни странно, положение сгладила Антонина Михайловна.

— Танюша, как замечательно у тебя получилось стол накрыть, — заметила она, обводя взглядом блюда, расставленные на столе. А вы, Екатерина Степановна, у вас тоже дочь на выданье. Может, мы о ней что-то узнаем? Она в следующем году будет свету представлена?

Я чуть куском пирога не подавилась, не ожидала от маменьки подобной услуги. Таня тоже изрядно удивилась и переглянулась со мной.

Антонина Михайловна, что, помогла нам?

О детях, особенно о тех, кого любили и кем гордились, женщины могли говорить бесконечно. По-моему, матушка не просто так спросила, присматривала невесту для младшего Святослава.

И кто ее осудит? Если два дворянских рода перемирие объявили, к тому же соседи, то брак с точки зрения выгоды очень полезен. Да и Святослав обогатится. Младшим сыновьям, чтобы занять уважение, капитал дорога либо в армию, либо жениться по расчету.

Пока они беседовали, Федор примирился с Сергеем. А последний, гипнотизируя меня своим взглядом, внезапно произнес.

— Ольга Юрьевна, а вы не согласитесь мне сад показать?

Удостоверившись, что я не ослышалась, повернулась к главе семейства. Федор кивнул, понимая, что мне и будущему супругу стоит больше общаться перед предстоящей свадьбой, разрешил покинуть стол.

Дождавшись, когда князь встанет, обойдет и подаст мне руку, я вопросительно поглядела и на мать. Она моргнула, словно сама показывала свое одобрение.

Поразительные метаморфозы.

Вдвоем с Долгоруким вышли на террасу. Я помалкивала, стараясь себя не выдать, но мечтала, чтобы сам князь напомнил о цесаревиче и о моей мнимой дружбе с ним. Похоже, ему известно больше, чем мне.

— Вы все-таки на мою матушку не обижайтесь, — нехотя, не без труда заговорил мужчина, — она не со зла. Она ведь всего не знает. Я за нее приношу извинения.

Мы спускались по лестнице. Моя рука лежала на локте мужчины.

— Занятно, а после свадьбы она мне такой же теплый прием устроит?

— В имении вас никто не обидит. Я не позволю.

— А вы? — я развернулась. — Не обидите?

После протяжного вздоха догадалась, что ответ будет не самым однозначным.

— Ольга Юрьевна, вы ведь сами понимаете, какой у нас будет брак...

— Не понимаю...

Мой собеседник чуть зубами не закрипел, смотрел на меня с высока в своих белоснежных перчатках и медленно закипал.

— Фиктивный, ненастоящий, показной. Его Величество отблагодарил вас за помощь его сыну, да и я ценю вашу храбрость и жертвенность, но отношения между нами невозможны. Я люблю другую...

Чем дольше он говорил, тем больше вопросов возникало. Олюшка спасла цесаревича? Как? Каким образом? Избранница дворянина, которой он успел отдать свое сердце, меня интересовала мало.

А судьба тем временем словно издевалась надо мной. Неподалеку, в пожухлой, прошлогодней траве, с которой едва сошел снег, мелькнул черный, длинный и явно кошачий хвост.

Я соображала, чтобы такого сказать Сергею, чтобы выглядело менее подозрительно.

— Разве мы не можем отвертеться? Может, есть какая-нибудь лазейка?

Сергей остановился посреди дорожки. Встал как вкопанный, насторожился.

— А вы, что, сами этой свадьбы не хотите? Передумали?

«Видимо, да», — произнесла про себя.

— Я должна радоваться тому, что стану женой человека, который на меня внимания не обращает? Ни во что ставить не будет?

— Кхм, — кашлянул Сергей. — Почему же промолчали, когда Его Императорское Величество, Николай Романович предлагал вам... кхм, меня?

— А вы?

Спорить готова, что он тоже перед императором помалкивал. Пусть Олюшка слабая, добрая и бесхарактерная, но кто в своем уме от дара правителя отказывается?

— Не будем обо мне. — Отмахнулся князь. — Простите за мои слова, княжна, но магии у вас нет, сил мало, перспектив никаких. Я лучшая партия. Вы для меня... — он замялся, — скажем, подходящая.

Что же за мир такой? А про женскую самостоятельность они когда-нибудь слышали? Впрочем, раз он хочет фиктивный брак, почему бы и нет. Не этого ли я хотела? Попрошу у него поместье... небольшое, содержание. Устроюсь отдельно, разберусь со всеми трудностями, а потом...

Потом я не задумывалась. В планах было вернуться домой, в свой мир. Но Воланд, проныра мохнатый, не указал, как это сделать. Настаивал, что сначала борьба с врагами, а потом можно и о дороге обратной поговорить.

— Ладно, князь, — согласилась я с его выводами. — Будь по-вашему. Но после свадьбы я хотела бы жить раздельно.

— Простите, Ольга, — опешил он, растерялся, не ожидая подобной прыти от меня, — Вы совсем на себя непохожи. Ведете себя чудно. То и двух слов в присутствии связать не могли, а теперь...

Сразу прикусила язык и мысленно посетовала на свою предшественницу.

Тем временем мужчина продолжил:

— О раздельном проживании и речей никаких вести не может!

Я от удивления рот открыла. Он ведь сам сказал, что влюблен в другую? Зачем в имении соперница для возлюбленной? Чтобы мы друг на друге в кознях тренировались?

— Эм... ум... — не могла прийти в себя, потеряв способность разговаривать.

С виду Сергей Владимирович — приличный человек, а на деле собакой на себе оказался? Ни себе, ни людям?

— Хотя бы в первый год, — тут же пояснил князь, завидев мое замешательство. — Если мы сразу разведемся, у Его Величества возникнут вопросы.

И то верно. Сомневаюсь, что император скоро оставит нас без своего внимания. Чувствую, наоборот. А если в деле замешан его сын, то и года может мало показаться.

— А после? — я уточнила.

— А после я готов вас отпустить, — прищурившись, произнес мужчина и вновь взял меня за руку, легонько ее сдавив, — если вы, конечно, обещаете сохранять благоразумие, осторожность и приличия.

Слушая мои заверения в том, что я вполне адекватная и соображающая девица, он все равно не верил в меня, о чем-то думал и подозревал.

— Княжна, неужели вас устроит подобное положение? Жить на краю страны, не выходить в свет, быть моей тенью...

Да, знатные барышни мечтают совершенно о другом.

— В свете меня не любят, издеваются, — выдохнула и ничуть не жалела о сложившихся обстоятельствах, — с вами у нас будущего нет...

Сергей моментально вскинулся, нахмурился.

— Нет? Вы настолько уверены?

Складывалось впечатление, что я задела его за живое. Мужчины здесь слишком гордые, слишком тщеславные.

Опять я лишнее сболтнула. Почему не могу просто кротко молчать? Почему меня порассуждать тянет?

— Уверена, — отмахнулась, — не хочу вступать в борьбу за сердце дворянина, которое мне, впрочем, и не нужно.

Пожалуй, прозвучало грубовато, даже чересчур. Я заметила, как изменился в лице мой будущий супруг, как глаза его потемнели. Не нравилось известному аристократу, что скромная мышка не мечтает о свадьбе с ним, не ведется на красивую внешность и знатный род. Но, во-первых, я сама была знатной, а во-вторых, думала я не о романтических связях и свадьбах, а о том, как выполнить условия для возвращения в свой мир, где нет этого домостроевского маразма.

— Простите, — выдавила из себя с трудом. Прятать характер становилось все сложнее.

— Прощаю, Ольга Юрьевна, — хмыкнул князь. — Справедливое замечание. Я выполняю вашу просьбу, — сказал он с явным облегчением. — Дам вам усадьбу, челядь, содержание хорошее. Приданое ваше трогать не буду. Но... — он замолчал, а я от нетерпения подалась вперед.

Между прочим, не одна я страдала от любопытства. В желтой траве прятался Воланд, а в окне прихожей мелькнула макушка моей невестки.

— Повторюсь, — продолжал мужчина, — ведете вы себя странно. Куда делась та девушка, которая полчаса с мыслями собиралась, чтобы ко мне подойти и помощи с Александром попросить? Не узнаю вас.

— А она, как про свадьбу узнала, перестала смущаться, — подняла подбородок вверх. — Решила сама своей судьбой распоряжаться.

На это Долгорукий мне ничего не ответил, лишь взглядом задумчивым обвел.

Мы еще несколько минут погуляли, прошлись по дорожкам, мимо клумб, с которых сходил снег, и вернулись в дом.

Обед завершился, все сидели в гостиной, но при нашем появлении встали. Федор и Сергей Владимирович тут же ушли в кабинет, чтобы обсудить условия помолвки, а я села рядом с Татьяной, немного успокоившись после знакомства с женихом.

Не так страшен черт, как его малюют. По-моему, договорились мы удачно. Он не дурак, чем-то понравился мне, честный, благородный. Вряд ли от него подвоха можно ждать. Надеюсь, и я произвела на него благоприятное впечатление. В конце концов, год — долгий срок. Лучше нам мирно жить, а не как кошка с собакой.

Но стоило мне выдохнуть с облегчением, как две пожилые женщины налетели на меня, чтобы обсудить свадьбу.

Они спрашивали обо всем, о дате, о платье, о цветах. Сначала я пыталась вставить словечко, но быстро догадалась, что мое мнение никого не интересует, что делают они это для соблюдения приличий.

Антонина Михайловна и Екатерина Степановна нашли друг в друге достойных соперников. Они беседовали, спорили, завуалировано кидались оскорблениями. Но в этой битве, внезапно, маменька встала на мою сторону и неистово защищала.

Может, совесть в ней проснулась, а может, хотела удостовериться, что наверняка сбудет нелюбимую дочь с рук. Лично я полагалась на второй вариант.

К счастью, надолго чета Долгоруких задерживаться не стала. Провожали их всей семьей и двором. И прислуга вышла, чтобы на давнего врага Бестужевых посмотреть. Где-то в толпе я заметила и Сашку.

Напоследок у меня с Сергеем вышла еще одна минутка наедине.

— Я рад, Ольга, — поцеловал он мою ладонь на прощание, — что мы так быстро нашли общий язык. Цесаревич был прав, когда говорил о вас.

— Что же он говорил? — не могла не полюбопытствовать я.

— Что в жены мне достанется самая поразительная девушка и самая умная, образованная, среди всех придворных. Простите меня, я вас недооценил.

— Слишком часто вы, князь, извинения приносите, — заворчала я, скрывая смущение, потому что понятия не имела, отчего удостоилась высокой похвалы. — Надеюсь, я вас тоже недооценила.

— Посмотрим.

Он выпустил мои пальцы из своей ладони, помог подросшей матери забраться в карету и отбыл.

Едва они скрылись за воротами, как ко мне подскочил Федор.

— Ну? — он был крайне обеспокоен. — О чем вы разговаривали, Олюшка? Сергей меня заверил, что обижать тебя не будет.

Я оглянулась на брата. Как ему объяснить, что теперь Олюшку сложно обидеть? Что зубов на меня не хватит?

— Да ничем не примечательная беседа, — скромно вымолвила. — Мы, кажется, нашли общий язык.

Любопытство князя Бестужева я удовлетворила. Я заметила, что Федор, вообще, не стремился вникать в женские проблемы и чаяния, он, вон, даже противостояния Татьяны и матушки не замечал. Но я его за это не винила. Не принято подобное в этом мире.

— Если вы позволите, я бы к себе удалилась, — картинно прижала ладонь ко лбу. — Устала очень.

— Конечно, Олюшка, конечно.

Брат обвел всех воинственным взглядом. Он удостоверился, а маменька и невестка мечтали полюбопытствовать. Все же без разницы какой век на дворе, всем женщинам хочется хорошенько посплетничать.

А ко всяким девичьим недомоганиям все относились с уважением. Чихнешь, а тебе и лекаря, и священника позовут.

Подхватив ничего не подозревающего кота, я ретировалась с подъездной дорожки. Видела, понимала, что ближе к вечеру меня родня навестит, но пока появилось время вытрясти из Воланда хотя бы крохи информации.

— Мяу, зачем так грубо? — возмутился черный, пушистый бродяга.

Мы были одни, вся челядь либо во дворе находилась, либо на кухне.

— Думается мне, — я внимательнее присматривалась к фамильяру, — что ты мастер от ответов уходить. Меня вокруг пальца обвел, толком ничего не объяснил, про цесаревича умолчал. Признавайся давай, что тебе известно.

Я посильнее сжала внушительную тушку. Нет, боли ему не принесла, я животных не мучаю, но намерения свои показала. Мы как раз в комнату пришли.

— Да нет у тебя ничего с цесаревичем, мамой клянусь, — истощно замыкал Воланд. — Я и сам толком ничего не знаю, я же твой фамильяр, а не Олюшкин.

Он спрыгнул с моих рук и устроился на постели.

— Совсем ничего не знаешь? — не поверила ни единому слову. — Я князя Долгорукого о чем-то спросила. Александра спасла. Как?

— А разве ж это важно, Ольга? — проворчал кот.

— Если не хочешь, чтобы меня быстро обнаружили, то важно, Воланд, важно, — прищурилась я. — Уже вопросы у Его Превосходительства вызываю.

— Ой, горе ты луковое. Везде беду ищешь. Ничего в знакомстве цесаревича и Олюшки такого нет. Она просто стала свидетелем, как Его Высочество к магии обратился, фею призывал.

— Фею? — не удержалась от смешка. — Какую фею?

— Такую фею, — буркнул Воланд, — желания она исполняет. Целых три. Нам бы такая не помешала.

И то верно.

— Давай сами призовем? — рассмеялась я, поглаживая животное по шерстке. — Тебе борьба с врагами, мне дорога домой.

— Ага, и будет как с цесаревичем... Он призвал и чуть лапти не отбросил. Вместо феи черт явился, — пожаловался питомец. — Благо Олюшка сразу распознала его сущность. Начал он Александра мучить, а девушка все подсмотрела, позвала на помощь Его Величество и князя. Сергей его спас, а Николай Романович, чтобы дело замять и чтобы никто не проговорился, предложил помолвку.

— А фея? — недоумевала я.

— А фею никто и не видел. Нет их уже, — фыркнул кот, — перебили в самую первую войну.

Что же, первое, что я уяснила, это то, что у меня преступно мало знаний об истории страны. Надо устранить подобное упущение. А во-вторых, что будущий правитель империи виноват в возможных прорывах. Он, оказывается, нижний мир распечатал, сам того не ведая.

Его Величество быстро осознал, что натворил его отпрыск, но если Долгорукому он доверял, был уверен, что тот и рта не раскроет, то личность княжны Бестужевой вопросы вызывала.

— Как с вами сложно, — потеряла виски от боли.

Меня будто горячей иглой тыкали. Фея, магия, демоны и черти... И замужество еще, будь оно неладно.

Из комнаты я больше не выходила. Попросила Любушку мне учебники принести по истории, читала долго, но в памяти едва ли что-то оставалось. Я больше о Сергее думала, перебирала все его фразы и поведение.

Мать его ко мне настороженно отнеслась, но это, похоже, из-за слухов. Видел, может, кто-то слышал, как я про цесаревича говорю. Сам князь показался благородным, честным, красивым...

Немного обидно было замечать, как свысока он смотрит на меня. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, я его внешностью не впечатляла. Полненькая, круглая, без магии, пустышка. Он сам признался, что мечтал о другой невесте.

Даже занятно, а кого он выбрал, в кого влюбился?

Что-то мне подсказывало, что девушка не дворянской крови. С него станется, он мог и с горничной в отношения вступить.

Сергей Владимирович достаточно решителен, позвал бы уже суженую к алтарю, а коли не позвал... Да еще и обрадовался моему предложению...

Определенно у семьи Долгоруких множество своих скелетов в шкафу.

Неожиданно в дверь постучались.

— Олюшка, можно? — ласковым тоном обратилась Антонина Михайловна.

Я чуть слюной от шока не подавилась.

— Проходите, конечно, — разрешила матери. — Чем обязана?

Глава 3. Сергей.

— Я все-таки не понимаю, отчего ты так спокоен, Сереженька, — вдовствующая княгиня Долгорукая, сидя в карете, не унималась. — Как мог Его Величество к нам настолько пренебрежительно отнестись? Свадьбу с Бестужевой, с этой...

— Чем же она не подходит, матушка? — оборвал князь причитания пожилой женщины. — Ольга Юрьевна достаточно знатна, из хорошего рода, с богатым приданым.

— Но она Бестужева, — фыркнула Екатерина Степановна, — дочь врага твоего отца. Да и лицом не вышла, и манерами, магии нет, и слухи еще эти...

— Про слухи я вам уже все сказал, — твердо произнес Сергей, не давая дальше обижать невесту, — а по поводу ее других недостатков... Она достаточно миловидна, умна, а нелепую вражду между Бестужевыми и Долгорукими давно пора прекратить. Никто уже и причин не помнит.

Дальше они ехали молча. Он всем видом показывал, что разговор окончен, но решил для себя, что проведет беседу с домашними по поводу своей будущей жены.

Ольга или Олюшка, как звали ее в родной усадьбе, его удивила. Совсем не походила на ту девушку, которую он периодически встречал при дворе Николая Романовича.

Забитую, скромную, над которой все придворные смеялись, даже родные братья в сплетнях по ней проходились. На всех праздниках она в угол жалась, стеснялась, на танцы ее никогда не звали.

Сегодня она была уверенной, умной, говорила такие вещи, которые ни одна барышня не произнесет. И как храбрости хватило?

Да и внешность его полностью устраивала. Пусть немного полненькая, в теле, зато глаза глубокие, карие, полные губы, правильные черты лица. Не стыдно с ней в люди выйти. А главное, не дурочка, как показалась на первый взгляд.

В памяти словно назло всплыло недавнее воспоминание. Как она поджидала его в длинном коридоре на весеннем балу, как прошептала на ухо, что увидела и помчалась за ним, чтобы спасти цесаревича. Он и подумать не мог, что женщины на подобное способны.

Считай, она спасла Александра, а не он или император. Во-первых, она первой догадалась о ритуале, что неугомонный сын правителя совершил. И она же осознала, кто пришел на зов. Смущаясь, бледнея, поборол в себе страх и привела Его Величество и князя на место преступления, а потом...

Чудом цесаревича спасли. Жаль, демон убежал, прорвался в их мир. А чтобы Олюшка помалкивала, да и наградить ее следовало, Николай Романович ей замужество выгодное устроил.

Выгодное ей, а не ему. Какие у них наследники родятся? А его Евгения, простит ли она?

Сергей полагал, что Олюшка обрадовалась, аж дар речи потеряла. Она ничего не просила, не умоляла, просто кивнула и вернулась к родным. И, видимо, никому и словом не обмолвилась о проблеме.

Оказалась, что она сама не рада. И первой предложила выход.

Он, конечно, опешил, но согласился. На Жене жениться он не мог, девица из челяди была, но и невесту не стремился подбирать.

Нет, определенно, брак с Ольгой Бестужевой ему на руку. Она сама попросила свободы, сама не желает свадьбы. Так тому и быть. Получит она свободу. Хотя ее поведение не может не вызывать удивления.

В имении их уже заждались младшие брат и сестра. Едва он проводил мать переодеваться и вошел в семейную гостиную, как его встретил Ярослав.

— Ну, что, — вскинулся подросток, — встретились уже с этой хрюшкой?

— Хрюшкой? — не сразу понял Сергей.

— Дочерью Бестужевых, — презрительно бросил мальчишка. — Говорят, она страшная, толстая...

— Да, я тоже слышала, — подтвердила Полина, откидывая очередной роман, что читала. Будучи ровесницей невесты князя и ненамного старше Ярослава, она не многим уступала Ольге, но по характеру была тверже... раньше. — Сережа, скажи, может получится от нее как-то избавиться? Маменька себе места найти не может. Нервничает из-за тебя.

— Так, — не выдержал мужчина. — На ужине все обсудим, но чтобы я больше таких слов от вас никогда не слышал. Ольга скоро моей женой станет, а для вас сестрой. Хороший же вы прием ей окажете.

— Какого она достойна, — буркнул недовольно младший брат.

К счастью, княгиня появилась в дверях, а управляющий объявил, что стол уже накрыли.

Проводив матушку к богато украшенную столовую, поухаживав за ней, глава семьи устроился на своем месте. Заметил, что никто к трапезе не притронулся, ждут его, вздохнул и заговорил первым.

— Не думал я, что придется с вами об этом говорить, — с призывом посмотрел на Екатерину Степановну, — но вынужден предупредить. Через несколько месяцев состоится свадьба, Ольга присоединится к нашей семье, и я не потерплю, если кто-то будет обходиться с ней грубо. Наказание будет ждать всех, — обвел он семье грозным взглядом и задержался на княгине, — без исключения.

Не мог он относиться к девушке сурово. Не виновата она в старых распрях, да и впечатление оставила самое положительное.

— Сереженька, да никто ее обижать не собирался, — примирительно произнесла матушка. — Просто посетовала немного на нашу горькую судьбу. Чего же нам ждать теперь? Ты глава рода, а вынужден жениться на пустышке. Что с детьми вашими будет?

— Преждевременно волнуетесь, маменька. Сама свадьба не состоялась.

— Должна же я о будущем задумываться, если ты не хочешь. — Всплеснула руками женщина. — А коли она твою Женьку прогонит?

«Не прогонит», — подумал про себя Сергей.

Раз Ольга жить с ним не хочет, значит, и настаивать на супружеских отношениях не будет. Удобно складывается.

— Не ваша забота, — натяжно улыбнулся он и поджал губы. От Полины и Ярослава он эту скандальную связь скрывал, а Екатерина Степановна, видимо, в выражениях не стеснялась. — Повторюсь, Ольгу мы встретим радушно и по-семейному. Свыкайтесь с мыслью, что я почти женат. Кстати, на следующей неделе и обед будем совместный.

— С Бестужевыми? — возмутился Ярослав.

— С ними, да, — согласился князь. — Если не забыл, то сегодня я был у них в гостях. Заодно познакомитесь.

Он нутром ощущал, что брат и сестра с трудом прикусывают языки. Им с яслей вдалбливали, что соседи-враги, что водиться с ними не стоит. Насколько ему было известно, то и с другой стороны взрослые детей воспитывали в похожем ключе. Но судьба распорядилась удивительно.

Федор и Сергей неприязни к друг другу не питали. Не дружили, не сошлись характерами, но оба не хотели продолжения противостояния. Лишь пару раз Сергей столкнулся с недовольством молодого князя Бестужева. И оба раза они были связаны с его сестрой.

В первый раз на том злополучном бале, а во второй сегодня, когда матушка в эмоциях не сдержалась.

После, ему долго пришлось уговаривать, успокаивать хозяина дома в том, что к Ольге он будет относиться нежно и внимательно.

Основательно устав, закончив с ужином и удостоверившись, что его слова не прошли мимо ушей домашних, Сергей Владимирович вернулся в свою спальню.

Там уже ждала Евгения, о которой он беспокоился весь день. Девушка сидела на кровати, опустила голову и заливалась слезами.

Князь предполагал, что его поездка к невесте не останется незамеченной, что Женя опечалится и ночью обязательно придет.

— Ну что ты? — сел он возле девушки и крепко обнял. — Тебе не о чем плакать, милая. Возлюбленная подняла на него свои голубые, ясные глаза.

— Отменили свадьбу? Разрешили вам, барин, не жениться?

— Нет, прости, — Сергей грустно усмехнулся, — приказу императора не противятся.

— Но девица же эта из Бестужевых, из врагов ваших кровных, — не теряла надежды его прекрасная голубка.

— С которой давно пора покончить, — он поднял ладони Евгении и поцеловал их. — Но тебе беспокоиться не о чем, говорю же. Ольга оказалась прекрасной девушкой, понятливой. Она и сама не рада будущей свадьбе. Мы вместе только один год жить будем, а после она уехать намерена.

Долгорукий искренне полагал, что Женя вытрет слезы и улыбнется. В конце концов, на его сердце никто не посягает, он останется с ней, но горничная, наоборот, плакать начала усиленное.

— Вот, барин, — раздавались всхлипы, — она вам уже понравилась. Прекрасной девушкой показалась. Как начнете нас сравнивать, так и все не в мою пользу будет.

И будто назло, невольно в памяти образ Ольги всплыл.

Его Евгения была очень худой, тоненькой, словно ивовый прутик. С длинными, прямыми волосами цвета пшеницы, с чистыми глазами, морского оттенка. Бледная, чуть ли не прозрачная, за которой хотелось ухаживать, которую хотелось оберегать.

Олешка, если и считалась милой скромницей... раньше, то в эту поездку его мнение сильно поменялось. Невысокая, покатаая, но с внутренним стержнем. А как дерзко она ему ответила, хотя при родственниках была тише воды, ниже травы. И судя по ее поведению, она сама кого хочешь убережет. И вряд ли слушаться его будет безропотно.

Зря Женя волнуется. Добровольно он бы никогда себе такую невесту не выбрал, особенно после более близкого знакомства.

— Ты ошибаешься, — принялся заверять горничную. — Но я бы хотел, чтобы ты с ней дружила, не ревновала напрасно. Ольга в таком же безвыходном положении, как и я. Ссоры в доме ни к чему.

— Какие ссоры? — удивилась девушка. — Я челядь, а она княгиней станет. Захочет, вмиг меня со двора выгонит.

— Но хозяином я остаюсь, Женя, — погладил он возлюбленную по волосам, — ей ведь тоже придется мне подчиняться.

Несколько часов он успокаивал служанку, но та будто все мимо ушей пропускала. Наконец, он понял, откуда в ней такая неуверенность.

— А маменька ваша... — никак не унималась Евгения.

Догадался, что призывала вдовствующая княгиня его любовницу, разговаривала с ней, может, общий язык найти пыталась. Екатерина Степановна в восторге от скандальной связи с сенной девушкой не была, терпела, губы поджимала, отдала Женьку от себя, но, видимо, решила объединиться перед лицом общего врага.

«Женщины, — думал про себя князь, — не живетесь вам спокойно. Вечно конфликты на пустом месте раздуваете».

И зачем, спрашивается, ей с Ольгой ругаться? Ну, не будет могущественных, одаренных наследников, так у него младший брат подрастает, а Сергей давно для себя решил, что детей иметь не будет.

Не желал своим отпрыскам доли незаконнорожденных, чтобы над ними издевались и смеялись, а с Бестужевой они объяснились. У него и груз с плеч упал, что не разочарует молодую жену, раз она сама сближаться не стремится.

Евгения ушла, не осталась на ночь, а он, расстроенный и злой, заснул беспокойным сном.

Утром, за завтраком, он долго изучал лицо матери. Намеревался ей после трапезы все высказать, образумить, но от задуманного Екатерину Степановну спасло появление государственного посланника.

— Ваше Превосходительство, — в комнату вошел один из его подчиненных в форме, — прошу извинить, что отрываю, но дела срочные.
 Домашние между собой испуганно переглянулись. Они всегда переживали, когда Его Величество его к себе призывал.

Забрав документ, надломив восковую печать, Сергей быстро пробежался по написанным строчкам. Почерк принадлежал именно Николаю Романовичу, в этом он не сомневался.

— Сереженька, что-то случилось? — заволновалась матушка.

Вместо ответа он коротко кивнул офицеру, поднялся и извинился перед родственниками.

— Продолжайте без меня, — смахнул он салфетку, — вернусь поздно.

Ничего не объяснив, да и тайные приказы в кругу семьи не обсуждают, он покинул усадьбу вместе с посланником.

До столицы было верст тридцать, значит, офицера к нему с рассветом отправили, а придут они, даст богиня-мать, только к обеду.

— Какие-нибудь подробности известны? — спросил подчиненного в экипаже.

Его Величество в письме обозначил мало, говорил о прорыве на южных территориях, о том, что разлом чудом удалось закрыть, а еще о том, что там видели проклятого, сбежавшего от них демона.

— Почти ничего, — позволил себе молодой капитан вздохнуть, — жертв очень много, никто же не ведал, что твари чертовы полезут. В деревне дело было, ни одного воина на несколько верст, старики, женщины, дети.

Ужасная новость. Прорывов почти сотню лет не случалось. Предки-то помнили, как с демонами бороться, но эту пададь вычислить трудно. Они же как люди выглядят, еще и в чужие тела вселяться умеют. А победить одним серебром можно. Где же в бедной деревне с крестьянами серебра взять?

Какой отвратительный ритуал цесаревич совершил ради призрачной надежды. Наслал на всю страну страшных чудовищ.

Князь подозревал, что его попросят отправиться на дальний рубеж. Он и сам бы вызвался, но в имении нерешенные проблемы. Мать, Ярослав, Полина, Женя его любимая.

С другой стороны, это был хороший повод отложить будущую свадьбу. Станется, Николай Романович передумает. Не до этого сейчас, надо нижний мир запечатывать, а это лишь феи умеют, которых перебили также давно.

Через несколько часов Сергей Долгорукий оказался перед очами Его Императорского Величества.

Николай Романович ждал его в своем кабинете, и не один, а с другими высшими офицерами и цесаревичем. Почти со всеми он крепко дружил, со многими воевал и разделял тяготы военной жизни.

Александр, до сих пор не отошедший после ранений и длительного выздоровления, был бледен, осунулся и виновато поглядел на друга.

Когда с приветствиями было покончено, император принялся объяснять свои мысли и предстоящее задание.

— Прости, Сергей, что рано тебя с отпуска вырвал, к свадьбе подготовиться не даю, но сам понимаешь...

— Понимаю, Ваше Величество, — мужчина хмурился и встал над картой, разложенной на огромном столе из красного дерева. Не хотел он брак обсуждать. — Что посланники донесли? Чувствуют ли маги-ясновидящие новый прорыв?

— Ничего, — вздохнул монарх. — В Черноморье демон повеселился, отправил на людей полчища нежити, а потом, когда помощь подоспела, перебил половину взвода и был таков.

— А личину какую-нибудь принял?

— Старосты той деревни, но оставил несчастного. Старик теперь в себя приходит, у знахарок лечится.

— У знахарок, значит... — задумчиво произнес князь.

Странное место бес для прорыва выбрал, и чего добиться хотел? От Черноморья до Златограда чуть меньше двух тысяч верст. Большое расстояние.

Почти столетие назад маги-дворяне победили темных тварей, смогли запечатать нижний мир, а место, где совершили ритуал, находилось в императорском дворце. Используя артефакты, силы и помощь последней феи, офицеры сумели запрятать нечисть, но кто-то, да остался болтаться в междумирье.

Теперь, как подозревал Сергей, демону понадобится повторить ритуал и открыть пространственные ворота. Но для этого он должен отыскать все камни зачарованные у представителей древних родов, забрать их реликвии. К тому же фей больше не существовало.

Своими мыслями он и поделился с остальными.

Мужчины по большей части воодушевились. Нет фей, значит, и дороги обратной для темных тварей нет. Демонов словить трудно, никогда не знаешь, где он окажется, но Александр, слушая разумные доводы, напротив, помрачнел еще больше.

— Что? — заметил князь потемневшее лицо цесаревича.

— Фея есть, — просто обозначил он, — я ее видел.

— Как это есть? — не поверил своему сыну Николай Романович. — Откуда? Почему раньше не сказал?

— Она первой вышла, и переместилась сразу же, — объяснился наследник престола. — Сначала я думал, мне привиделось, а потом... потом вы и сами знаете.

Час от часу не легче. Добрых полчаса они расспрашивали Александра о подробностях его встречи с феей, о том, что он успел заметить, на что внимание обратил, но информации было преступно мало.

Феи умело перемещались в пространстве, создавая порталы, а люди подобной магией похвастаться не могли.

Сложность состояла в том, что и этих созданий практически не отыскать. По ауре умели читать лишь ясновидящие. Но как признавался и император, да и Сергей Владимирович подмечал — нынешние ясновидящие были плохи. Силенок не хватало, ничего рассмотреть не смогли.

— Сергей, — Его Величество принял решение, — видимо, придется тебе ехать в Черноморье. Подозреваю, что фея там, раз и демон в ту сторону направился. — Князь Долгорукий с мнением императора согласился. — Прибудешь, осмотришься, может, выпытаешь что-нибудь полезное, а по истечении срока возвращайся. Аккурат к своей свадьбе.

Пришла очередь Долгорукого делать скорбное лицо. Но в отличие от многих других, жаловаться и стенать он не собирался.

— Как прикажете, Ваше Величество, — он поклонился и вышел за дверь, не дожидаясь, когда Николай Романович его отпустит.

Путь предстоял неблизкий, в лучшем случае он через две недели к побережью доберется, и обратная дорога не меньше займет. А ему нужно успеть и с семьей попрощаться, с Евгенией объясниться, матери дать указания о свадьбе и будущей жене и ее родственникам написать.

— Стой, да стой ты, — схватил его за плечо Александр, выбежав и поймав в коридоре. — Сергей, мы можем поговорить? Ты меня больше месяца избегаешь?

— Это приказ? — изогнул брови князь.

На друга он злился. Во-первых, он чуть с жизнью по глупости не расстался. Во-вторых, он виноват в будущей женитьбе. А в-третьих, накликать беду на все государство, сам того не ведая.

— Нет, просьба, — тихо заговорил цесаревич. — Хочешь уйти, уходи. Не держу... Я об Ольге.

Тут Сергей совсем не стерпел. Окончательно разозлился и прижал наследника к стенке.

— Что? О чем поговорить? Мало слухов про тебя и мою невесту теперь ходит? К ней тоже не приближайся. По твоей милости я на пустышке женюсь, как бы хорошо ты о ней не отзывался.

Александр вида не подал, не испугался, хотя в глазах блеснули ярость и гнев. Резко выдохнув, он снял руку друга со своей шеи.

— Тебе известно, что сплетни ложные. Просто хотел удостовериться, что ты девушку не обидишь.

— А я когда-нибудь так поступал?

— Нет, но...

— Значит, и дальше не буду. Она ни в чем неповинна, чего я о тебе сказать не могу. Выдумал тоже, фею вызвать. Всем расхлебывать приходится.

— Я с тобой отправлюсь, — предложил цесаревич, испытывая муки совести.

— Нет, — отрезал Сергей, — да и кто тебя отпустит?

С Александром он попрощался быстро, не слушая его тихих объяснений. Вернется к свадьбе, там и помирятся. Зло держать долго князь не умел. Может, по этой причине и к Бестужевым никогда ненависти не питал.

Обратная дорога его не радовала. Считай, только отпуск заслуженный получил, и новое задание. Но дело важное, не отказать.

В пути он сумел набросать письмо для князя Бестужева и Ольги. Объяснял, по какой причине прибудет только к торжеству, просил на него не обижаться и во всем полагаться на матушку Екатерину Степановну.

Правда, в душе было беспокойно. Что-то подсказывало, что Олюшка, будущая теща и маменька если не передерутся, то поссорятся знатно. На всякий случай приписал в послании к Федору, чтобы последнее слово было за ним.

Вернулся в имение он поздним вечером. Домашние ко сну готовились. Коротко переговорив с Ярославом, с Полиной, он ждал в кабинете вдовствующую княгиню. А до этого с управляющим все письма отправил, надеясь, что утром адресаты прочитают.

Пока она собиралась, положил в первый ящик стола разъяснения от Николая Романовича. Запер все, а ключ спрятал на каминной полке.

— Я уже слышала, — ворвалась к нему пожилая женщина. — Даже перед будущей свадьбой тебя в покое не желают оставлять. Объяснишь, что произошло? Отчего так скоро отправляешься?

— Не могу, нет, — завертел он головой, мысленно радуясь, что мать не в состоянии взломать его охранные заклинания на вещах. — Государственная тайна, но у меня просьба к вам.

Он долго спорил с родительницей по поводу невесты, просил, чуть ли не умолял, взывал к ее рассудку, чтобы она юную невесту не третировала. Но по глазам видел, что Екатерина Степановна не слушается. И, спрашивается, почему?

— Да что она вам всем сделала-то? — выпалил в сердцах. — Ее и родные братья чураются, мать вечно донимает.

Помнил, как молодые Бестужевы охотно распускали сплетни про сестру, как сами создали для Ольги невыносимые условия на балах. Был свидетелем, как строго к ней относился предыдущий князь, и как одергивала Антонина Михайловна.

Дело в магии? Печально, конечно, но в чем Ольга виновата?

— Молод ты все-таки, Сережа, — вздохнула его мать. — Ты и понятия не имеешь, какие сплетни о девочке ходили.

— Если ты о цесаревиче... — мужчина вспыхнул.

— Нет, не о нем, — пожала губы княгиня. — Я тебе верю. Ты с Александром дружен. Будь она совсем плоха, ты уж как-нибудь отбрехался бы. Поговаривают, что Ольгу нагуляли.

— Нагуляли? — Сергей глаза закатил, подавил в себе новую вспышку гнева.

— Нагуляли, да, — не понимала Екатерина Степановна спокойствия своего сына. — Не в браке она рождена, а чужая, незаконнорожденная. Неизвестно, что за кровь в ней проявится. Все дети чем-то на мать похожи, и Федор, и Антон, и Святослав. Одна она в отца. И магии нет. Вдруг слух правдой окажется, а вы и детишек заимели. Да мы этот позор с рода Долгоруких никогда не отмоем.

Невольно в памяти всплыли все наследники рода Бестужевых. Ольга действительно на их фоне выделялась, но на старого князя походила. Может, действительно в этом причина неприязни от родных?

Он отмахнулся от подобных мыслей. Какая разница? Она Бестужева, отцом признана, приданое хорошее. Да и после того, как она императорской семье помогла, от брака он не избежится. Николай Романович девушку без внимания не оставит. А Александр, если что, напомним.

— Маменька, — разозлился Сергей, — чтобы больше ничего подобного я в адрес своей невесты не слышал. Вы будете ее и в гости звать, и к ним являться, обсуждая свадьбу. С братом и сестрой познакомите. Постараетесь, чтобы они подружились.

— Ты не понял, что ли? — изумилась пожилая женщина. — Нагуленную девицу в род берем, а коли она от преступницы какой родилась, от ведьмы? Ничего же о ней не знаем.

— Так вам же лучше, что у нее магии нет, — хмыкнул князь. — Не проклянет, как ворожея лесная. Все, я все сказал. Не испытывайте мое терпение.

— Ладно, сын, — матушка нахмурилась, но перестала злословить на Ольгу. — А что с Женькой делать? Ее ты оставишь в доме или погонишь? Давай хотя бы перед молодой женой твою скандальную связь не показывать.

Поздно. Он без обидняков сообщил суженой, что влюблен в другую. Ей все известно. Но по какой-то странной причине, он и сам объяснить себе не мог, Сергей умолчал о честном разговоре между ним и Олюшкой.

— Женька при мне останется.

— И куда ее? — всплеснула руками Екатерина Степановна. — Возле себя горничной ее не потерплю. К тебе не приставить.

— К Полине, — предложил он.

— У Полины Алена.

— Тогда к Ольге в услужение, когда она ко мне переберется.

Долгорукий не видел в этом проблемы. Раз уж физических отношений между ним и Ольгой не планируется, вряд ли она будет против его любовницы настроена.

— Ох, дурак, — вдовствующая княгиня его мнения не разделяла. — Ольга твоя, между прочим, может и со своей служанкой прибыть.

— Будет две, значит, — вспыхнул Сергей, которому надоел бессмысленный разговор.

Он вручил матери свои заметки по управлению усадьбы, не сомневаясь, в ее руководстве, напомнил о своей просьбе, а после поспешил в спальню, где уже ждалась Евгения.

Глава 4. Оля

Матушка долго стояла в дверях спальни. Во-первых, потому, что никак не могла сообразить, как начать разговор. А во-вторых, я была не слишком дружелюбна.

— Олюшка, — Антонина Михайловна села возле меня, — ты на меня не серчай. Свадьбу я тебе самую лучшую устрою.

— Вы же против были союза с Долгорукими, — не поверила ей ни на секунду. — Врагом Сергея Владимировича называли. Что за один день поменялось?

— Правду тебе надо сказать, вот что, — нахмурилась женщина. — Девятнадцать лет назад твой отец загулял, я и знать и не знала.

Она опустила голову, замерла и нервно срывала заусенцы с пальцев. Погрузилась в свои воспоминания, явно ей неприятные.

Я, поддавшись порыву, положила на ее руки свою ладонь, чтобы она перестала себя терзать.

— Мне подруги донесли, — вздохнув, продолжила княгиня, — но поздно было. Юрий Вениаминович через несколько дней принес нам младенца... тебя, наказал воспитывать и своей дочерью признать.

— Но как...

Не то чтобы я не поверила, все, напротив, очевидно было. Но как скрыть незаконнорожденного от придворного света? Антонина Михайловна на балах же бывала, с подругами, опять же, советовалась по поводу неверного мужа.

Матушка поняла, о чем я хочу спросить.

— Я после Святослава поплыла, — призналась она смущенно. — Слухи, конечно, ходили. Всем ртов не закрыть, кто-то поверил, а кто-то нет. Мы внимание обращать перестали.

— Хорошо, а от меня вы что хотите?

Кажется, зря я спокойно выступала, вызвала лишние подозрения. Старшая Бестужева странно на меня посмотрела, прищурилась, ждала, что в слезы кинусь или ужаснусь, какая я пропадающая, но я просто повела плечом.

Неродная, и ладно. У Олюшки есть тайны и похуже.

— Ты не расстроилась? — удивилась она.

— Я догадывалась, — произнесла тихо.

По-своему я жалела маменьку. Судя по всему, она горячо была влюблена в князя, обиделась, что тот ребенка на стороне прижил, но и прощать не собиралась. Ее никто не заставлял над девушкой издеваться, служанок-доносчиц брать, сурово за малейший проступок наказывать. Олюшку безумно запугали, ее душа от страха тело покинула.

— Ольга, — Антонина Михайловна переложилла руки, отодвинулась, все равно показывая, что я ей не очень приятна. — Скажи Федору, что ты меня простила, что зла на меня не держишь. После твоей свадьбы он меня хочет на минеральные источники отправить.

— Отлично, отдохнете от забот.

Нашлась причина ее притихшего, доброжелательного поведения. Федор ей ультиматум поставил, а на меня ответственность возложил.

— Как же я отдохну, коли с ним Танька останется? А Антон, а Святослав? Их не пожалеешь? — сверкнула она гневно глазами. — Ты к Долгоруким, а сыновья без присмотра материнского. Антона Федя в армию хочет сослать. Святика в закрытый университет.

Братьев я жалела еще меньше, чем вредную родственницу, по посчитала, что ссориться прямо сейчас будет плохим решением.

— Я подумаю, — пообещала и, каюсь, не без мстительности добавила: — Посмотрим, как свадьба пройдет.

Внутри разливалось глубокое чувство удовлетворения. Что сказать? Старший брат сделал мне своеобразный подарок, хоть и очень мелочный для дворянина. Как хорошо, что я не аристократка.

Антонина Михайловна принялась меня горячо убеждать, что все будет замечательно. Не даст она змее-Долгорукой всем заправлять. Свадьба для невесты делается. Не опозорит она дочь, все самое лучшее подберет. И я ей верила.

Некоторым людям иногда не хватает мотивированного пинка, чтобы стать добрее и ласковее.

Следующий день прошел тихо... почти. Я занималась, отметила в зеркале внешние изменения — отеков больше не было, щеки чуть уменьшились, дышала я в тесных платьях свободней. Даже мои упражнения давались легче и задорней.

Воланд, смотревший на это представление, всячески развлекался за мой счет, но позже признал, что я правильно поступаю. Чтобы магией владеть, надо и телом владеть отлично.

Некоторое время провела с семьей, а ближе к ночи вернулась к себе, чтобы готовиться ко сну и попрактиковаться в ясновидении.

Отчего-то меня что-то тревожило, но я не могла объяснить причину. Сидела на широком подоконнике в одной сорочке, слушала себя и интуицию, представляла потоки ауры, но вечно на что-то отвлекалась. Никак я в состояние магическое не входила.

И когда я окончательно смирилась, что ничего из этой тренировки путного не выйдет, глаз зацепился за повозку, въезжавшую к нашему крыльцу. Серую, непримечательную, обычную, на которой часто посланники разъезжают.

Сердце забилося сильнее, руки затряслись. Я буквально почувствовала, что незнакомец, вышедший из экипажа, от князя Сергея. А над ним, над посланником, словно маленькое привидение, летало непонятное мутное облако.

— Я сейчас, — сказала зачем-то коту, накинула халат и сбежала вниз по лестнице, чтобы встретить мужчину.

Учитывая, что у нас уже все спали, гость долго дожидался главу семьи, коротко объяснив свою просьбу управляющему, а мне и слова ни сказал.

Но чем ближе я на него смотрела, тем яснее осознавала, что показавшееся мне мутное облако, это его беспокойные мысли. Посланник о чем-то волновался и нервничал.

— Кто пожаловал в такой час? — сверху спустился Федор, неодобрительно взглянув на меня.

— Простите, Ваше Превосходительство, — незнакомец встал по стойке смирно, обозначил поклон, а после протянул ему два конверта. — Велели срочно передать.

Брат письма забрал, прочитал, что на них написано и, изрядно изумившись, вручил один запечатанный конверт мне.

— Олешка, князь тебе написал... И мне... — задумчиво посмотрел на мужчину. — Случилось что-то?

— Нет, Ваше Превосходительство, — отрапортовали в ответ, — надеемся, что пока ничего.

Я буквально пружинила от нетерпения. Хотелось здесь пергамент разорвать и посмотреть, что там начеркал будущий жених, но здравый смысл победил. Не читать же мне при Федоре?

— Да иди уже, — брат отмахнулся, — утром перед завтраком зайди ко мне, расскажешь, что Сергей написал.

— А ты? — вопросительно выгнула одну бровь.

Он ничего не ответил, просто указал на лестницу и помахал ладонью подгоняя.

Пришлось послушаться. Мужчины в этом мире невыносимые. Женщин за каких-то неразумных детей считают.

Вернувшись в комнату, я кинулась к кровати, где стояла небольшая лампа, светившаяся от артефакта. Зажгла ее, а потом уже сломала печать.

Фамильяр присел рядом, и интуиция или же мой дар подсказывали, что Воланд с грамотой знаком.

Быстро пробежалась по сухим, вежливым строчкам. Князь Долгорукий выказывал почтение, справлялся о моем самочувствии, желал добрых дней. Сообщил, что в ближайшее время я его не увижу. Его император отсылает на задание.

Сначала я обрадовалась. Задание. Долгое, важное, непростое. Значит, свадьбу можно отложить, а я, глядишь, со своими проблемами разберусь и вернусь домой, но... Дальше моя улыбка сходилась на нет.

Сергей утверждал, что к празднику вернется. Обязательно вернется, что всю подготовку он на плечи матери переложил, а Федора попросил следить, чтобы две вдовы между собой сильно не поссорились.

Умно. И дело Антонине Михайловне с Екатериной Степановной нашел, чтобы на мне не отыгрывались, и в узде удержал.

Я грустно вздохнула. Расстроилась. И понятия не имела, по какой причине. Из-за свадьбы, что она состоится? Или из-за того, что князя долго не увижу?

— Подозрительно, Ольга, — забрался мне на колени Воланд, когда я отложила письмо. — Что-то явно произошло.

— А ты, случайно, не знаешь? — машинально погладила кота по гладкой шерстке.

— Нет, откуда? — фамильяр даже немного возмутился. — Расспроси об этом брата своего. С ним Долгорукий был бы более откровенен.

Мне подобная мысль тоже пришла в голову.

Так что спала я мало, тревожно. То и дело просыпалась из-за темных образов в голове. Снилось, будто на деревню какую-то страшные твари напали, а жителям отбиться нечем. В общем, утром я напоминала скорее бледную тень самой себя, чем здоровую, пышную девушку.

Позанималась, выпила кофе, которое мне услужливо Любушка принесла. Она удивилась, в усадьбе только князь этот крепкий напиток пил, а теперь и я еще.

— Рано ты, — Федор открыл мне дверь в свой кабинет и поглядел на часы. — Как с тобой Сергей Владимирович объяснился?

— Ты первый спрашиваешь, чтобы знать, можно ли мне информацию из твоего письма выдавать? — притихла я и лукаво улыбнулась. — Не таись, прошу.

И по плечу его погладила умоляюще.

Братик, не привыкший к ласке от сестры, открыл было рот, захлопнул через секунду, но не отстранился. Проводил к креслу, усадил, а потом устроился напротив.

Где-то за окном мелькнул черный хвост. Воланд, пронира пушистый, тренировался в навыках шпиона и разведчика.

— Сначала ты, — мужчина настаивал, отвлекая меня от созерцания пейзажа.

— А что он мог написать? Что приносит извинения, расстроен, но государственные дела не ждут. А я, как будущая жена, должна стоически терпеть. К нашему бракосочетанию он вернется. — Вспыхнула, показала свои эмоции.

Для себя решила, что раздражена не из-за отсутствия жениха и его попустительского отношения к собственной женитьбе, а то, что меня держат за дурочку.

— Вернется, да, — усмехнулся князь Бестужев и насмешливо добавил. — Понравился, смотрю, уже гневаешься. Хорошая из тебя жена выйдет. Командовать умеешь, попрекать скоро начнешь.

— Это другое, — забурчала.

— Ладно, Олюшка, расскажу, конечно, — Федор резко посерьезнел. — Но тебе стоит держать язык за зубами. Если сплетни пойдут, сразу понятно, от кого.

Я развела руками. Кому мне разболтать? Сердечных подруг нет, в семье тоже не все в порядке, а дружбу с котом надобно вдвойне в тайне держать. С них станется, в буйные сумасшедшие запишут.

Тем временем мой брат продолжил.

— На юге страны прорыв случился, которого не должно было быть. Из нижнего, запечатанного мира бесы полезли, ранили и убили много жителей в одной деревне. Сергея туда направили, поговаривают, что демон из междумирья пробрался, теперь всем опасность угрожает.

Я охнула. Вспомнила, какие мучительные сновидения видела.

— Ты не бойся, — Федор по-своему понял мой грустный вздох, — вернется твой Долгорукий в целости и сохранности. Он не раз на волоске от смерти был, но боги его любят.

Выяснив все необходимое, я ретировалась, но заметила, как брат меня внимательно изучал. Не нравилось ему, что я подробности из него клещами вытянула.

На завтраке он кратко рассказал домашним, что Его Превосходительство Сергей Владимирович в организации свадьбы никакого участия принимать не будет. Я тоже поспешила самоустраниться, разрешая маменьке самой всем руководить.

Антонина Михайловна прямо просияла. Я на мгновение подумала, что дело не во мне, не в происхождении, а в том, что ей жизненно необходимо кому-то противостоять. Олю, то есть меня, она третировать больше не может, других детей она любит, а с будущей сватьей у них слишком много противоречий. Есть где разгуляться.

Оставшись одна, с новой силой бросилась обучаться. Повела Воланду о своих снах, а мою беседу с братом он и сам подслушал.

— Просыпается в тебе силушка, Оля, — мурлыкал кот от удовольствия. — Уже больше видишь. Говорил же, что ты не бесполезная...

Ага, пару дней назад все наоборот было. Мяукал истошно, вылизывался и жаловался, какой дурной хозяин ему достался.

Свободная от домашних обязанностей, за эти дни заниматься я стала больше. Утром начала пробежки устраивать, вечером тренироваться в магии. Вес сходил быстро, моментально. Через две недели все платья на мне висели, и подшивать их стало невозможным.

Антонина Михайловна и Татьяна в один из дней критически оглядели меня, поцокали языками, а потом твердо решили в город ехать. Негоже будущей княгине в одеяниях не по размеру замуж выходить.

Я молча со всем соглашалась. Пора было и платье свадебное шить, и на город посмотреть хотелось. Я ведь за территорию имения ни разу не выходила.

Жаль, что с собой нельзя было взять Воланда, с ним я чувствовала себя немного уверенней.

Надолго откладывать подобные дела не стали. Уже на следующее утро я, маменька и Татьяна сидели в удобной карете. Сопровождать нас вызвался Антон, но чтобы не сидеть с женщинами, не слушать их сплетни, средний брат устроился рядом с возничим, несмотря на неудовольствие Антонины Михайловны.

Беседу я едва ли поддерживала, во все глаза уставилась на пейзажи, открывавшиеся из небольшого окна. Природа занимала меня мало, она почти не отличалась от обстановки в моем мире, правда, машин здесь, конечно, не было. Про асфальт я рассуждать и не берусь. Зато люди...

Немного совладав с даром, мне было интересно, а смогу ли я что-то в них «прочитать».

К сожалению, ничего не получалось. Проезжали мы довольно быстро, а мне требовалось сосредоточиться.

Могла потренироваться на родных, но отчего-то боялась проводить с ними свои волшебные эксперименты. Они все маги, чужую силу почувствуют. В толпе непонятно, а в тесном экипаже догадаться молниеносно.

Через несколько часов, изрядно заскучав, мы въехали в главные ворота столицы. Теперь я была внимательней, старалась не сильно выказывать удивление, но получалось с трудом.

Народу было много, очень. Повозка то и дело останавливалась, пропуская впереди себя разного рода пешеходов. Отовсюду звучали чужие голоса, выкрики с просьбой посмотреть товар, слышалось ржание лошадей, скрип колес. Все сливалось в какую-то дикую какофонию из звуков.

Пробыв в усадьбе больше месяца, не покидая дом, я позабыла, как шумно бывает в городе.

Чем ближе мы отъезжали от окраин, тем тише и чище становилось вокруг.

Наконец, карета остановилась, мы дождались, чтобы Антон открыл дверцу и помог всем дамам сойти. Я вышла последней, и любимый братец, словно издеваясь, до боли сжал мою ладонь.

— Что, Олюшка? — насмешливо пропел мне в лицо родственничек. — Что-то не так?

— Нет, что ты, — спрятала руку в меховую муфту, — просто давно в лавках не была, вот и замедлилась.

Виду не подавала, но мелкую пакость запомнила.

В большом здании с резными ставнями и огромной, прозрачной витриной расположилось ателье мадам Анри. Женщина была из Франкии, но обосновалась у нас и считалась самой известной, самой дорогой модисткой. Очередь на ее услуги была бешеная. Но Бестужевым, Долгоруким и еще несколькими семьям она не отказывала и находила окошки в плотном расписании.

— О, как прекрасно, — хлопая в ладоши, улыбаясь, встретила она всю женскую половину Бестужевых. Общалась она приветливо, с акцентом и характерной гортанной «р». — Рада, что вы меня посетили! Такое событие. Долгорукие и Бестужевы брачный союз заключают. Дайте же мне взглянуть на невесту.

Оторвавшись от созерцания внутреннего убранства, я поздоровалась со швеей и заметила, как осунулось ее лицо.

— Мадам Анри, вас что-то смущает? — забеспокоилась я.

— Оля, что за вопросы? — возмутилась мама. — Неприлично-то как.

Или мне показалось? Кажется, я догадалась об истинных причинах всеобщего замешательства. Модистка-то вела себя нормально, а ее истинные эмоции мне подсказала моя магия. Работает, значит.

— Оу, нет-нет, — хозяйка ателье замахала руками. — Юная мадемуазель права. Мне описывали ее как весьма пышную девочку, с формами, — она еще и формы мои изобразила. — А я вижу...

— Да, Оля скоро в тень свою превратится, — не без осуждения проскрипела Антонина Михайловна.

Я на миг растерялась. Между прочим, матушка первая, кто по фигуре Олюшки проходил. Сама ее стеснялась и гнобила за лишний вес. А сегодня на защиту потерянных килограммов встала?

— Простите, но кто вам описал? — заинтересовалась окончанием фразы.

— Ваша будущая свекровь, мадемуазель Бестужева, — пристыженно отозвалась мадам Анри. — Она, кстати, здесь. Подбирает платье себе и дочери. Если хотите, размещу вас рядом, все-таки будущие родственники.

— Нет, — испуганно отказалась маменька.

— Не стоит, — вежливо ответила Татьяна.

— Пожалуй, хочу, — твердо и решительно произнесла я, не давая женщинам из семьи пойти на попятную. — Где они расположились?

Пора было показать матери суженого, что нечего обо мне злословить и считать дурочкой молчаливой. Я тогда с ней и дня в одном поместье не проживу, а нам год терпеть друг друга.

— Я покажу, — модистка вообще ничего не понимала.

Зато наострила уши, подмигнула своим работницам и велела принести журнал с эскизами. Что-то мне подсказывало, что дальнейшие слова, поведение, позы, разговоры разойдутся по столице ехидными сплетнями.

Войдя в новый зал со множеством кресел, кушеток, на небольшом постаменте возвышалась незнакомая мне девушка. Совсем юная, едва достигшая совершеннолетия. Полина, кажется.

Вокруг нее ходили девушки, втыкали булавки в платье, что на ней висело и спрашивали мнение княгини Долгорукой.

— Доброго вам дня, Екатерина Степановна, — я первая нарушила тишину и обозначила наше присутствие.

Мать Сергея медленно развернулась. На секунду испытала шок, разозлилась, о чем мне опять же услужливо поведала магия, но моментально совладала с эмоциями.

— Госпожа Бестужева, да с семьей, — она разулыбалась, но как-то ядовито. — Рада встрече.

Дождавшись, когда Екатерина Долгорукая поздоровается с матушкой и Татьяной, я тоже ответила ей улыбкой. Вложила всю наивность, на которую была способна... пока.

— Олюшка, — она меня даже обняла и не выказала брезгливости, — тебя не узнать. Ты не захворала часом?

Вот не может меня не задеть.

— Что вы, — отстранилась от женщины. — Стараюсь для будущей свадьбы.

Знала, что выгляжу куда лучше, чем в первую нашу встречу. Не по меркам их времени, по меркам моего.

Пропал второй подбородок, обозначились ключицы и скулы. Теперь я больше напоминала девушку, а не пухлого ребенка. Кожа подтянулась, живот почти ушел. В молодости со всеми килограммами с легкостью расстаешься.

Мы стояли, а дочь княгини кашлянула, захотела, чтобы и ее представили тоже.

Екатерина Степановна опомнилась.

— Это моя средняя, — погладила она наследницу по голове, — Полина. Будет вам сестрой, Ольга.

— Рада знакомству. — Я была искренне расположена к девушке.

Почему бы и нет? Если судить по телу Олюшки, мы были ровесницами. Она очень походила на брата. Такая же темноволосая, кареглазая, со слабыми силами огневички. Да она больше на почившего Бестужева походит, чем я.

Полина вежливо поздоровалась, но от нее веяло холодом. Не нравилась ей будущая родственница.

Я подозревала, что не обошлось без влияния главы семейства.

— Я тоже, — вымучено отозвалась она и заступила за спину матушки.

Первое время все шло хорошо. Бедная мадам Анри заскучала, явно надеясь на скандал.

Мне приносили платья, выбранные из каталога. Я мерила, выходила, показывалась всем вокруг. То же самое делала и Полина, но когда дело дошло до эскизов свадебного одеяния, тут вторая сторона показала свой истинный характер.

Плохо знакомая с модой этого мира, я всецело положила на Татьяну, но, видимо, зря. Екатерина Степановна, увидев первый вариант, моментально раскричалась:

— Да она моего сына опозорит. Что за древности?

Платье поменяли на другое. Другое ей тоже не понравилось. Чем дольше я наблюдала за ней, тем больше понимала, что бесится Долгорукая не из-за наряда, а из-за его носительницы. Не хотела она в пару к своему сыну невесту-пустышку. Антонина Михайловна, наоборот, распалялась.

Плывать ей было на дочь, честь рода оскорбили. Едкие замечания постепенно переходили в открытые оскорбления.

— Ей идет! — утверждала моя мать, когда меня обвешали тюлем.

— Как корове в коровнике, — морщилась будущая свекровь.

Девушки, модистка застыли в ожидании. В ателье мы находились несколько часов. И если обычную одежду и приданое выбрали, то о фасоне свадебного платья и речи не шло.

А оно важно. Свадьба в императорском дворце играть будет. Его Императорское Величество нас поздравит. И цесаревич тоже.

Я первой не выдержала.

— Хватит! — гневно посмотрела на старших родственников. — Сама решу, в чем буду замуж выходить. — Оставьте меня!

— Но Олюшка... — маменька уже догадывалась, что во мне что-то поменялось, что слушать ее не буду, и при необходимости дам отпор.

— Ольга Юрьевна, что за самоуправство?! — строго спрашивала мать Сергея.

— Уходите! — я была тверда в своем решении. — Не вам это надевать, а мы с Полиной сами разберемся.

Понятия не имею, зачем мне было это нужно. Обернулась на Полину и, кажется, получила своеобразную поддержку. Она покраснелась, прятала глаза, стесняясь поведения своей родительницы.

Оставшись одна, прогнала и швей, чтобы они нам не мешались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.